

Труды

по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды.

(Под общей редакцией профессора А. Н. Минина).

ТОМ III.

Вып. I.

В. П. ПОЖИДАЕВ.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТ КАБАРДЫ.

(Историко-этнографический очерк).

ВОРОНЕЖ 1925 г.

В. П. ПОЖИДАЕВ.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ БЫТ
КАБАРДЫ.

(Историко-этнографический очерк).

Гублит № 4168. Тираж 1100 экз.

Воронеж. Тип. Обл. Ред.-Изд. К-та НКЗ. Зак. 557.

Настоящая книга является одним из выпусков „Трудов по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды“.

Обследование было предпринято летом 1922 г. по инициативе ЦИК-а Кабардино-Балкарской автономной области. В 1923 г. были собраны некоторые дополнительные материалы. Самое опубликование „Трудов“ значительно задержалось по техническим и материальным причинам.

„Труды по обследованию“ по своему содержанию распадаются на три тома:

I—Природа.

II—Землепользование.

и III—Сельское хозяйство и промыслы.

Конечно, нельзя признать, что этим заканчивается все исследование области, столь своеобразной в природном, бытовом и хозяйственном отношениях. Во-первых, необходимо обследовать Балкарию—эту существенную, совершенно отличную и малоизвестную часть области. Во-вторых, необходимо обследовать леса и ископаемые богатства области, в том числе водно-минеральные богатства. Наконец, обследование 1922 г. по ряду вопросов дало только ориентировочное представление и выдвинуло необходимость углубленного исследования ряда сторон хозяйственной жизни области.

Редакция.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение.

О Кабарде и черкесах имеется довольно обширная литература, как на русском, так и на европейских языках. Однако, работы эти (имею в виду русских авторов), являясь в большинстве случаев или наблюдениями военных людей—дворян и помещиков, или беглыми заметками праздных туристов, опять таки наиболее богатых помещиков, привлеченных на Кавказ оригинальностью и красотой его природы и жителей, носили особый специфический, я бы сказал, классовый характер. Вот почему при всей своей разнородности эти заметки, в большинстве случаев, были довольно однородны. Считая себя прежде всего военными и рыцарями, для которых часто война на Кавказе была благородным спортом, они и видели и описывали прежде всего внешнюю лицевую сторону этого народа. Одни из них—*Артемий Волынский, Скобелев* и др.—отмечают главным образом наездничество кавказцев, их ловкость, отвагу и неустрашимость в битвах. Другие, как барон *Сталь, Потто*—их внешний лоск и уменье держаться на людях, весь их «адыге-хабзе» (собрание обычаев—адатов), и снова отвагу и ловкость. Третьи—в большинстве случаев наши поэты и писатели,—ко всему уже сказанному—их гостеприимство и красоту их женщин (к слову сказать, которых они не видели) и т. д., и очень немногие вдумчивые наблюдатели интересовались внутренней, бытовой стороной их жизни—их хозяйственным и экономическим укладом.

Одним из первых таких наблюдателей я назову *Семена Броневского,* автора 2-х томного сочинения о Северо-Кавказских горцах (1822 год). От него мы впервые узнаем о домашнем и сельско-хозяйственном укладе кабардинцев, о земледелии и главных промыслах. Он отмечает, что скотоводство, и крупное и мелкое, ведется кабардинцами в обширных размерах. Останавливается на коневодстве и отмечает лучшие конные заводы в Кабарде, их широкую известность по Кавказу и в России и даже представляет изображения кабардинских тавр (родовых знаков собственности,

которыми клеймятся главным образом лошади). Бегло говорит о земледелии и о преобладании хлебных яровых культур, о пчеловодстве и других промыслах. Слабое место его работы—полное отсутствие цифровых данных, вследствие чего у читателя остается смутное представление о действительном положении вещей—о реальных богатствах народа.

Слегка, как бы мимоходом, 50 лет спустя, уделяет несколько строк земледелию и хлебопашеству кабардинцев *Попко*. В своем солидном труде «Терские казаки» он описывает способ запашки и засева у черкесов; о размерах этой запашки, степени урожайности и прочих подробностях сельского уклада в Кабарде наш автор не распространяется, так как это не входило в его задачи.

Несравненно больше мы находим у *Е. Максимова*. В своем очерке «Кабардинцы», помещенном в «Терском сборнике» на 1892 год, автор уделяет из 4-х глав целых три земледелию, скотоводству, а также и всему экономическому уклону насельников Кабарды. Сам по себе обстоятельный и добросовестный труд, он еще более повышается от того, что автор для наглядности сравнивает свои средние цифровые данные некоторых отделов, как например, коневодство и скотоводство, с таковыми же данными соседей Кабарды и даже с насельниками далеких областей центральной России и других районов. Слабее обстоит отдел земледелия: здесь меньше параллелей, меньше цифровых данных, и урожайность хлебов приводится только за 4 года (1888, 1889, 1890, 1891 г.г.). За отсутствием статистических данных (таковые на Кавказе появляются только с 1889 г.), автор глухо отзывается о состоянии земледелия в округе за предшествующее время, вследствие чего картина общего роста, как земледелия, так и животноводства в Кабарде, не достаточно ясна. В общем же итоге очерк *Максимова*, для своего времени, является ценным вкладом в литературу кавказоведения. Характерно для работы *Максимова* то, что, говоря о кабардинцах и их благосостоянии, он все время имеет в виду только крестьянское сословие и игнорирует узденей и их экономическое благосостояние, хотя упрекает их в бездеятельности и нетрудоспособности. Кабардинское землевладельческое сословие и по месту жительства, и по образу жизни и по умственному уровню мало чем отличалось от остальной сельской массы, а

между тем оно, это привиллегированное сословие, было главным хранителем традиций скотоводческой культуры в области и, как таковое, конечно, имело право на известное внимание. Это с одной стороны; с другой—весьма интересно было бы знать—какие ценности, какие богатства находились в описываемое время в руках этой небольшой группы привиллегированного сословия и, таким образом, уяснить себе имущественную разницу между одним и другим классом.

Еще меньше внимания уделяет земледелию и промыслам и всему сельскому хозяйству в Кабарде *Кудашев,* автор большого сочинения «Исторические сведения о Кабардинцах». Здесь, кроме отрывочных заметок, там и сям разбросанных по книге, мы ничего не найдем.

В других работах русских авторов нужного нам материала оказалось еще меньше. Из немногих иностранных авторов, оказавшихся в наших библиотеках, наиболее ценным (конечно, говоря относительно) является *Пейсонель* (имеется перевод *Е. Фелицына,*— «Западно-Кавказские горцы и ногайцы в XVIII в., по *Пейсонелю*»). Очень немногое удалось взять от *Палласа, Клапрота* и *Дюбуа* и еще меньше от других иностранных наблюдателей раннего периода.

В виду того, что настоящий очерк написан как составная часть большой работы по обследованию Кабарды, автор, будучи ограничен определенными заданиями и временем, вынужден был отказаться от многого того, что в других условиях он счел бы необходимой принадлежностью своей работы, как то—сравнительные цифровые данные, положение хозяйств за последние годы и проч. Эти вопросы освещаются в других частях работы, автор же надеется устранить эти пробелы во втором дополненном и распространенном издании настоящего сочинения.

В. ПОЖИДАЕВ.

I. Обитатели Кабарды и их происхождение.

Территория, именуемая ныне Автономной Кабардинской Областью, населена народом, который известен на С. Кавказе под именем восточных черкесов или кабардинцев. Как давно живут кабардинцы на нынешних местах, точно исторической наукой пока не установлено, но, во всяком случае, судя по народным преданиям и косвенным историческим данным, можно думать—не менее 600—700 лет.

Начало истории и происхождение кабардинского племени, к ак и многих народов древности, долго было покрыто глубоким непроницаемым мраком. Однако, благодаря соединенным усилиям историков, археологов и лингвистов, этот мрак постепенно рассеивается и все отчетливее перед нами вырисовываются, если не все в целом, то по крайней мере основные черты как самого народа, так и его прошлого.

Ныне окончательно установлено его племенное происхождение, и почти бесспорной считается в науке нижеследующая теория:— кабардинцы являются восточной группой племени *Адыге* и тесно чувствуют свою кровную связь с другими западными адыгейскими племенами: бесланеевцами, шапсугами, бжедухами, гатюкаями и др., и также, как и другие соплеменники, заявляют с гордостью—«Я адыге, не кабардинец, а адыге». Долгое время относительно кавказских горцев держалось мнение, что здесь—что ни ущелье, то и язык, загнанное или попавшее случайно в недра гор племя, не имевшее ничего общего с соседями, а если и допускалось какое родство, то только гадательное (напр. у проф. *Иорржезинского*, отд. о кавказских языках).

Такого суждения не избежали и племена адыге с их наречиями. Не смотря на то, что сами адыге хорошо знают и чувствуют родство своего языка с абхазским, а эти последние с грузинским языком, их упорно мыслили, в силу слабого знания кавказских языков, отдельной, как бы безродной лингвистической

группой, и только многолетнее сравнительное изучение кавказских языков профессором-академиком *Марром* окончательно установило, что как племя, так и наречие адыге является одним из звеньев многоязычной кавказской или яфитической семьи народов, к которой относится, кроме названной группы адыге, и родственный им народ абхазский, а также картвельский или грузинский (картвельская группа языков) дагестанские языки, чеченские—чеченцы, ингуши, карабулаки, тушины—и древне армянский.

II. Легенды и сказки кабардинцев о самих себе.

Все эти поэтические народные сказания, обвеянные седою стариной и тайной, при внимательном чтении и изучении можно разделить на две главных группы.

К первой относятся сказания, в которых действующие лица— в каждой народности Северного Кавказа считаются своими национальными героями—это песни про Нартов. Нарты—это богатыри, по видимости пришельцы,—далеко превосходящие обыкновенных людей, как физическими, так и умственными дарованиями. Песни про Нартов можно услышать и у чеченцев, и у ингушей, и у дигорцев, и у абхазцев и среди черкесских племен—патухайцев, кабардинцев и др.

Где секрет такой широкой популярности Нартов—историческая наука еще не разрешила,—отголосок ли это когда-то более тесного совместного сожительства племен Северного Кавказа, объединенных одной какой то народностью с могучей интеллектуальной кастой во главе, обычная ли в фольклоре бродячесть сюжетов,—вопрос остается пока открытым. Одно, что красной нитью проходит у всех народностей про этих богатырей, это то, что при всей своей силе и порой жестокости (Нарт, Сосруко, Батрас и др.), они в то же время умственно далеко превосходят окружающих и являются волшебниками и магами и учителями этих последних. Они неустрашимые наездники (смуглый Сосруко) и коневоды. Они отличные кузнецы (Курдалагон), короче—они, как приходится слышать и сейчас, «умели делать все». Такую память о них сохранили и осетины, и ингуши, и сами западные адыге (как сами себя называют черкесы), и восточные кабардинцы.

Памятники вещественные—как то: урочища, могильники, каковые указывают туземцы на берегах Черного моря, близь Нальчика в Куртатинском ущелье, около селения Лац (кладбище Нартов), и др. данные как бы подтверждают мысль о широком распространении этих загадочных культуртрегеров в среде народов Северного Кавказа.

Ко второй группе можно отнести легенды и сказки, трактующие про события и героев чисто кабардинских или адыгейских в широком понимании. К этой группе мы отнесем сказания и песни про «Бич божий»—Атиллу, про хана аварского—Байкана, про князя Кеса, богатыря Редедю и князя Темрюка и др. Некоторые из них, как например, песни про Редедю и Темрюка, близко совпадают с русскими летописями про названных лиц и являются ценными историческими вариациями на одну и ту-же тему. Из многих других легенд этого цикла наиболее известной является предание о князе Кесе и о происхождении князей Адыгейских, а вместе с тем и Кабардинских. Привожу краткое содержание этой запутанной, но очень любопытной легенды:

«Египетский князь Арапхан, вследствие неудачной войны с каким то грозным иноплеменным завоевателем (по легенде с турецким султаном), покинул со своими родичами и небольшой группой единомышленников Египет и бежал на судах в море. После долгих скитаний и схваток с врагами, он достиг берегов Крыма, где и поселился со своими земляками по р. Кабарде. После смерти Арапхана его сын Абдалхан по каким-то соображениям покинул Крым и со всем племенем переселился на Кавказ. Тамошние обитатели Адыге отнеслись к чужеземцам миролюбиво и позволили им (по преданию) поселиться в районе Суджак-Кале (недалеко от нынешнего Новороссийска). Пришельцы жили мирно и тихо.

Абдалхану наследовал его молодой сын—Кес, который долго искусно правил своей небольшой общиной. Вскоре с помощью своей дружины он подчинил себе местное население Адыге и стал их правителем и князем. Сын Кеса, а затем и внук его, оказались настолько жестокими, что вызвали восстание народных масс. Зато эта жестокость правителей об'единила и примирила пришельцев с туземцами.

Правнук Кеса, князь Инал, во многом напоминал адыгей-

ским старцам их первого князя Кеса. Опираясь частью на своих родичей и земляков, частью на преданных привиллегированных туземцев, князь Инал подавил наростающее крестьянское волнение в стране. Для укрепления своей власти он разделил свои владения на отдельные участки и посадил управителями своих надежных людей. Они стали начальниками и судьями округов. Одинаково поставленные в тяжелые условия, далекие пришельцы окончательно растворились в туземной массе, образовав вместе один народ адыге, порабощенный воинственным дворянством. После Инала его сыновья и внуки поделили его владения между собою и положили начало многим княжеским фамилиям среди черкесов; так произошли князья Кабардинские, Бесленеевские, Гатюкаевские, Жанеевские и другие».

Эта легенда о черкесских князьях была уже известна турецким историкам. Мы впервые с нею встречаемся в оффициальном турецком летописце «*Тенги Тобарих*» (что значит—«княжеское родословие»), составленном муллою *Хусейн-Хозерфание* в 1670—1672 годах, откуда мы ее и заимствуем вместе с *Шару-бек-Ногмовым*. Вторая, меньшая половина про князя Инала и его ближайших потомков—родоначальников черкесских князей, является устным достоянием до настоящего времени, что нам отчасти и удалось записать от сказателя кабардинской старины, древнего старца, узденя Бекмурзы К.

Не смотря на массу противоречий и других несообразностей, а также и на то, что легенда эта прошла через длительный и строгий фильтр людей, явно являющихся прежде всего хвалителями и друзьями княжеской власти у Адыге и историками только этой небольшой группы лиц, тем не менее при тщательном анализе этой легенды мы находим в ней кое-какой материал и для истории самого народа адыгейского. Первое, это то, что водворение воинственных пришельцев в чужую страну и захват власти шли насильственным путем, путем удачного завоевания (что отчасти и сохраняет устная молва). Власть оказалась в руках привиллегированного сословия, из рядов которого были судьи и начальники. Второе, это то, что народные массы долго и упорно боролись против своих эксплоататоров, не раз, не смотря на жестокую расправу, вновь вспыхивали крестьянские восстания. Третье, это то, что

завоеватели добились своей цели только силой и хитростью. Они привлекли на свою сторону часть туземцев, очевидно наиболее экономически сильных людей, и, расколов, таким образом, крестьянскую массу, взяли ее окончательно в руки и взнуздали.

Вот какое заключение можно вывести при анализе этой запутанной, туманной легенды. Легенда, написанная муллой, не дает полной картины исторических событий, она восхваляет «мудрость и храбрость» князей, но непроизвольно для автора дает красочную картину захвата власти имущим классом, недовольства и восстания крестьянства, жестокой расправы с восставшими и следующих за этим периодов реакции.

III. Исторические сведения о черкесах.

Народ кабардинский—масса извечных землеробов и пастухов—в разное время занимал разные места по плоскости Северного Кавказа, но первоначальная его родина, по сообщениям древних греков и преданиям адыге, это—площадь земли между Черным и Азовским морями, примерно от устьев Кубани до нынешнего города Туапсе. Однако, за отсутствием письма и грамоты, каких-либо письменных документов на этот счет у самих кабардинцев, как и других адыге—искать не приходится. И сведения более или менее достоверные о далеком прошлом изучаемого нами народа, с его первых сознательных шагах мы находим у чужеземцев, иногда далеко за пределами его родины,—у древних греков, грузин, у турок, арабов и в старых русских летописях. Эти сведения и отрывочны и не всегда ясны, однако, они позволяют сделать кое какие обобщения относительно предков теперешних кабардинцев, их местожительства и древности поселения на этих местах.

Древние греки, напр. *Скилакс Скореандинский, Страбон*, называли народ, населяющий Черноморское побережье между Новороссийском и Геленджиком (прежние местожительства шапсугов и натухайцев), керкетами и зихами. У древних греков и поныне не имеется звука «Ч», а посему слова иностранные со звуком «Ч» они заменяют звуком «К»; поэтому мы склонны думать, что эти зихи или керкеты и есть тот народ, который и называется теперь

и у русских и у западных европейцев—«черкесы». Греки с незапамятных времен знали названных керкетов и жили своими колониями среди них. Позднее в VI—VII в.в. по Р. Х. греки даже распространили среди адыге христианство. Те приняли его, но сути никогда не понимали, так как богослужебные книги и вся служба в церкви совершалась на непонятном для черкесов греческом языке. Корыстные, жадные до барышей и наживы торгаши—греки только дурачили темную массу, чтобы, прикрываясь званием единоверцев, легче было эксплоатировать наивных, темных и доверчивых людей. Искреннего же желания просветить и поднять эту массу у них, греков, никогда не было, так как грамотного и развитого человека не так легко обманывать и эксплоатировать. Этим и можно об'яснить, что больше чем за 10 веков совместного сожительства греческих колоний с названным племенем—греки никак не удосужились составить для них, черкесов, азбуки.

В средине X столетия русский князь Святослав в поисках новых данников и новых пленников—рабов, которые, как известно, составляли главный предмет торговли древней Руси с греками, проник на Кавказ и, завоевав город Тьмутаракань (где-то недалеко от нынешней Тамани), обложил окрестных жителей—косогов (древнее название черкесов) данью. Эта зависимость черкесов от северных завоевателей продолжалась до начала XII столет., после чего русские летописи теряют об Тьмутаракани всякие известия. Очевидно, оторванный от своей метрополии волнами кочевников, город утратил свою независимость, и, вероятно, был разорен озлобленными и восставшими туземцами. Что это могло случиться—имеются косвенные указания в виде древне-адыгейской пословицы, которую они говорят в ссоре со своими недругами: «Там-таракай-ухуньме» — «да постигнет тебя участь Там-таракая», то есть Тьмутаракани.

Таковы смутные, отрывочные сведения о далеком прошлом адыге. Выражаясь кратко, они сводятся к следующему: давнишнее знакомство, как прибрежных племен, с древними греками и культурная подчиненность этим мореплавателям и культуртрегерам. Эта подчиненность делается особенно заметной в VI—VII в.в., когда черкесы даже принимают от греков христианство. Вместе с этим, также в глубокую старину, мы замечаем в их жизни появ-

ление другого не менее важного фактора—насильственное водворение в их среде чужеземных князей-завоевателей. Это событие было чревато крупными последствиями политического характера: именно—оно раздробило между отдельными княжескими ветвями единый адыгейский народ на множество мелких, впоследствии враждебных друг другу, племен и сделало его (народ) легкой добычей для чужеземных завоевателей, что мы и видим, хотя бы на примере русского князя Святослава, который с несколькими сотнями своих дружинников проникает в далекий край и подчиняет своей воле целую область.

IV. Археологические данные и древнейший быт адыге.

Мы видим, как в сущности мало кабардинцы знают свое политическое прошлое. Еще меньше они помнят свой древнейший быт, ту обыденную обстановку, в которой когда то жили их далекие предки по берегам Черного моря и Кубани. Но тут на помощь истории является археология и своими памятниками материальной культуры, извлеченными из могильников-курганов, рассыпанных по всей Кабарде и Черкесии (бассейн Кубани), проливает некоторый свет на эту темную и отдаленную от нас эпоху за 1000 и больше лет до нашей эры, и дает некоторую возможность представить себе и ту обстановку, в которой жил далекий предок Адыге, и его культурный облик.

В Нальчикском музее имеются весьма богатые археологические коллекции. Так, имеется целая серия каменных орудий: молотки, топоры, скребки и проч. Это необходимейшая принадлежность первобытного человека; с ними он шел и в бой и на охоту (топор и молоток), ими убивал быка, снимал шкуру (молоток и скребок). Любопытны каменные ступки, в которых перетирались драгоценные зерна хлебных злаков, собранных с крошечного поля (см. фот. на след. стран.).

Имеется утварь: посуда, горшки и проч., найденные в могильниках Нальчикского округа. Горшки грубой работы, сделанные от руки, пальцами, почему можно думать, еще до появления гончарного круга (который, как некоторые полагают, появился за 1000 лет

до Р. Х.), обжиг слабый, поливы никакой, орнамент беден—незамысловат.

В Нальчикском округе имеются археологические находки менее древние—бронзовые стрелы, копья и ножи, которые являются показателем, что и здесь на Кавказе, как и в других местах земного шара, человек от дерева, камня и кости не сразу перешел к железу, а некоторое время обходился с металлом менее

К стр. 15. Каменные ступки.

прочным и крепким, но зато более удобным и легким для ковки и литья. И эти и другие аналогичные предметы свидетельствуют что и Кавказ, как и другие страны Европы и Азии, пережил свой бронзовый век. Однако и знакомство с железом произошло очень давно, по крайней мере, около Р. Х. железо в здешних местах было не редкость; за это говорят, как предметы вооружения—стрелы, копья, ножи, так и предметы домашнего хозяйственного обихода—удила, стремена и т. п.

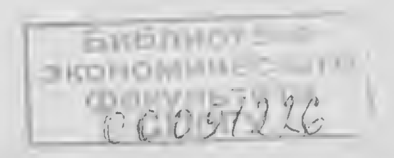
Рассмотренные предметы из камня, глины, бронзы и железа говорят, что уже за 1000 лет до христианской эры обитатели Кабарды и Черкесии были знакомы с различного рода ремеслами и промыслами—гончарным, каменотесным и металлическим, и пред-

метами этих промыслов насколько возможно скрашивали свою убогую и тревожную жизнь. Обилие этих вещей в могильниках (усыпальницах мертвых), свидетельствуют, что они, во-первых, твердо верили в загробную жизнь и, во-вторых, мыслили ее не иначе, как точным продолжением земной.

Правда, при отсутствии каких-либо прямых указаний не всегда можно установить, какие из этих находок—принадлежность прямых предков адыге, а какие их соседей, но при тесном долголетнем соседстве и сожительстве мы смеем думать, что разница в культуре и образе жизни соседних племен была не так уж велика. Что касается до жилищ древних обитателей этого края, то надо взглянуть на незатейливо упрощенные полу-подземные жилища—пещеры некоторых современных горцев, и мы будем иметь представление, как жили делекие предки адыге 2000—3000 лет до нашей эпохи, настолько это современное жилище примитивно и первобытно-убого.

V. Скотоводство на Северном Кавказе, его давность и система.

Помимо охоты и рыболовства, через каковые фазы прошло большинство человечества, древнейшими средствами к существованию, как для кавказского горца вообще, так и для кабардинца, в частности, были скотоводство в различных его видах и земледелие. Какой из этих видов сельского хозяйства появился на Кавказе раньше—сказать трудно. По крайней мере, на ряду с древнейшим свидетельством (*Гомер.* «Одиссея»—Миф о Полифеме) о существовании овцеводства уже у пещерного обитателя Кавказских гор—прямого каннибала, мы встречаем документы совершенно достоверные (каменные хлебные ступки), свидетельствующие о не менее древнем существовании и земледелия на Кавказе, по крайней мере, на землях, занятых адыге (так как названные каменные ступки находятся в пределах бывшей Терской и Кубанской обл.). Однако, в виду того, что скотоводство уже пережило свой золотой век (по крайней мере на Кавказе), и явно уступает свое место земледелию, мы рассмотрим сперва этот древнейший и любимейший промысел первобытного человека.

Какой вид из существующих ныне домашних животных появился прежде всего у адыге в прирученном состоянии—ответить не легко. Вероятно, и в этом отношении они пережили одинаковую судьбу с народами передней Азии и Кавказа, а фольклор, археология и история нашего края в этом вопросе согласно подтверждают друг друга. Миф *Гомера* о пещерном человеке—овцеводе и каннибале—Полифеме (который, по *Гомеру*, обитал на Черноморском побережье), а также и сказки кабардинцев и других горцев (сказка о Сыске Солсе) дают основание думать, что овца является первым и древнейшим домашним животным у кавказских аборигенов. Инвентарь и содержимое курганов и могильников в виде жертвенных костей разных животных, по преимуществу баранов, подтверждают это предположение. Но названные мифы и горские сказки наводят на мысль, что этот древнейший овцевод и сыроед, при случае, не прочь был полакомиться и человеческим мясом.

Заметки средневековых путешественников по Кавказу, а также и ранних русских «государевых послов», согласно говорят, как о многочисленности стад у адыге, так и кочевом бродячем характере их. Об этом свидетельствуют и старинные кабардинские песни и позднейшие реляции и отчеты после различного рода экспедиций в глубь Кабарды, конца 18 и начала 19 веков. Это же подтверждают и теперешние старожилы. Житель селения Каржемово, глубокий старик, П. К., говоря о кабардинском хозяйстве и скотоводах прошлого времени, сообщил, что в те годы, когда селение Кармово (ныне Каменомостное) было расположено под горой Бештау (недалеко от нынешнего Пятигорска), у них на селе были отдельные скотоводы, имевшие 5000-6000 баранов и 300—400 штук рогатого скота. Были крупные скотоводы и в других аулах на прежнем поселении в Ашабове (Малка), в Бабукове (Сормакова), например, у одного из Халиловых числилось до 12.000 баранов. Но и переселившись на новые места (после 1822 г.), во время сурового и тягостного для них правления Ермолова, кабардинцы далеко не пали экономически и вплоть до начала последней империалистической войны в Кабарде насчитывались скотоводы в 3—4 тысячи баранов и 300—400 штук рогатого скота. Этот вид сельского хозяйства со всеми традициями, адатами и богатством дожил вплоть до революции 1917 г.

При таком положении вещей, конечно, невозможно обойтись без обширных пастбищ, без запасных земельных участков, куда можно было бы перегонять стада после того, как на ближайших займищах корм с‘еден и вытоптан. Это мы и видим в прошлом скотоводческой культуры Кабарды, которая, помимо своих юртовых аульных наделов, издавна владеет обширными участками на Золке и на предгорьях Эльбруса, а еще раньше владела и всею Моздокскою степью вплоть до Кумыкской плоскости *).

Но вернее всего о количестве и размерах этих участков дает представление историческая карта Кавказа времен Петра Великого, где займища черкесов, в частности кабардинцев, отмечены от моря и до моря. Правда, карта эта элементарна и грубо-схематична, но и другие свидетельства, как например, *Белокуров* «Сношения России с Кавказом», *Олеарий* «Путешествие через Россию и Персию» в начале 17 века, не противоречат этому **).

При такой обширности пастбищ и при умеренности Северо-Кавказских зим скот кабардинца 9—10 месяцев оставался на подножном корму, а в случае теплой благоприятной зимы и круглый год.

Теперь посмотрим, каким способом велось это скотоводство, являющееся с незапамятных времен и почти до последних дней главной основой хозяйственной жизни Кабарды.

---

*) Потеря этой степи (1763 г.) с основанием на ней крепости Моздока и целого ряда казачьих станиц и была причиной первых кровавых столкновений между русскими и кабардинцами.

**) Кочевья же одних только кабардинцев, на основании этих же документов, простирались длинной полосой от высот Эльбруса до Трехстенного городка у устья Терека. По размерам этой площади может судить читатель о размерах скотоводства у кабардинцев.

VI. Летние пастбища. Скотопрогон.

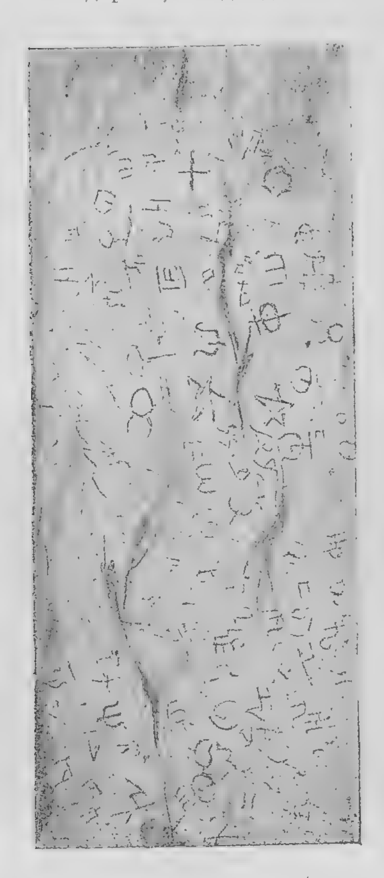
Как только показывалась первая сочная травка, что обычно совпадает с началом марта месяца (ст. стиля), скотовод выгонял свои стада из кошей и зимних стоянок на подножный корм. Юртовые (аульные) наделы и теперь, а тем более раньше, в обоих половинах Кабарды настолько были просторны, что два месяца— март и апрель—все эти тысячи и мелкого и крупного скота свободно могли довольствоваться окрест-аульными кормами. С наступлением жары, что обычно совпадает с началом мая, солнце, особенно в Малой Кабарде, начинает сильно припекать, мухи и слепни тучами вьются над стадами, жужжат над ними, жалят, и беспокоят, и не дают пастись, да и корм уже частью с'еден, а больше вытоптан. Оставлять животных дольше на тех же местах— безрассудно: от жары, от мух и бескормицы скот обречен на гибель. И вот начинают готовиться к перегону скота на Золку. Выбирается ответственный распорядитель от аула *„лягупеж"*, которому и вручается надзор за пастухами и за аульными стадами на все время летних кочевий.

Лягупеж полагался один на целый балаган или кош (подвижной хутор в 3000—4000 голов мелкого скота); если аул был богат скотом, то выбирался и другой и третий лягупеж, а некоторые селения, как например Кармово (Каменномостное), накануне мировой войны отправляло со своими стадами на Золку 30-40 лягупежей.

Знаменитые Золкинские пастбища, получившие свое название от небольшой реки Золки, их орошающей, также как пастбища, расположенные вокруг горы Кинжал и других отрогов Эльбруса, в недалеком прошлом скотоводческого хозяйства Кабарды играли большую роль. Будучи расположены несколько выше плоскостной Кабарды, они являлись огромным пастбищным резервом (300.000 десятин) и как раз к тому времени, когда скот и крупный и мелкий не мог оставаться на плоскостных пастбищах по причинам указанным выше, пастухи перегоняли его на новые места, где он находил не только хорошие корма, но и достаточно умеренный климат.

Оставив для нужд домашнего обихода немного молочного скота и овец и необходимое число быков для уборки урожая, остальной излишек скота—и мелкого и крупного, предварительно клейменый, трогался в путь. Каждый аул, как только был готов, отдельно выступал в путь на гористые пастбища, не дожидаясь стад и табунов другого аула.

Для прогона стад на пастбища вся Кабарда изрезана скотопрогонными тропами. Вот, например, путь следования и скорость движения стад по одной из них, самой старинной. От сел. Мисостово (Урвань), откуда, собственно, начиналась главная скотопрогонная дорога, стада двигались к р. Чегему и проходили это расстояние, примерно, в сутки; от р. Чегема до р. Баксана—тоже в сутки; от Баксана до Малкинского брода, ниже Ашабовских конюшен, тоже сутки; от Малки до Золки—сутки. Итого, при благоприятных условиях, от противоположного конца Кабарды до Золкинских пастбищ стада шли 4—5 дней. На Золке табуны и стада каждого аула занимали определенный участок и оставались на своих пастбищах обычно до последних чисел июня (ст. ст.), до конца Горячеводской ярмарки. Отсюда табуны поворачивали по левому берегу р. Малки и двигались по хребту Джинала.

Часть поверхности скалы Кунитыга.

Повыше селения Бабуково (Сармаково), стада спускались с Джинальских высот, переправлялись через Малку и двигались вверх—вдоль ее правого берега, узким проходом мимо скалы Кунитыга, на отвесном обрыве каковой каждый домохозяин и ско-

товладелец считал своим долгом вырезать ножем или гвоздем тавро своего табуна, почему вся отвесная скала ныне от верху до низу на протяжении нескольких десятков аршин исписана и изрезана целыми сотнями фамильных знаков, являясь живым свидетелем, как большого числа скотоводов, так и высокой хозяйственности и зажиточности кабардинского народа, вернее, его привиллегированных сословий (см. фотогр. на 21 стр.).

После генеральной размежевки 1889 г. скотопрогонная тропа была частично видоизменена. Вследствие тесноты и узости Бабуковского прохода (не более 6 аршин), особенно ощущаемых во время массового движения крупного и мелкого скота, когда он целые сутки двигался непрерывным потоком, создавая невероятную тесноту и давку и совершенно прекращая всякое другое движение, названный проход был оставлен, и от Золки по Джиналу стада не сворачивали к Бабуковскому проходу, а двигались вверх дальше до сел. Кармова. Здесь с высот Джинала скотопрогон спускается к реке Малке, как раз у слияния ее с рекой Кич-Малкой, у самого аула Кармово.

С. Кармово, над ним хребет Джинал; белый зигзаг направо—скотопрогонная тропа.

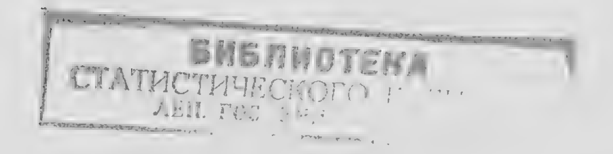
Селение Кармово является узлом двух скотопрогонных дорог для стад, идущих на правый берег р. Малки, и для стад, идущих на левый ее берег. Перебравшись на правый берег названной реки, стада от Кармово подымаются вверх на высоты Хаймаша, откуда на гору Кермон, вдоль левого берега реки Кертмен и правого берега реки Гедмышх, отсюда скотопрогон идет на гору Кинжал, где стада и расходятся по своим участкам и пастбищам.

Мы провели один примерный маршрут; для стад других аулов естественно существуют и другие маршруты, которые подробно описаны в других частях этой работы.

Таковы были эти заповедные пастбища для стад кабардинского народа. Здесь в старые годы на прохладных и тучных предгорьях величавой горы собиралось иногда 800-900 тысяч голов мелкого скота и сотни тысяч крупного скота и лошадей. Тут было все богатство и все благосостояние свободной скотоводческой Кабарды.

Но лето проходит, близится сентябрь месяц, наступают туманы, дожди и заморозки, скот мокнет и дрогнет... А там, внизу, на плоскости—там еще тепло и солнце, в садах зреют груши и яблоки, колышется и желтеет кукуруза на полях; после первых осенних дождей зазеленели скошенные уже однажды луга и отрасли травы на юртовых пастбищах. И вот бесчисленные стада снимаются с еще недавно привольных, а теперь унылых и дождливых мест и медленно теми же путями начинают спускаться вниз—к теплу и солнцу. Еще раз они пересекают отдохнувшее Зольское пастбище и, побродив тут и подкормившись две-три недели, к 1-му октября возвращаются домой. Здесь стада пасутся частью по юртовым наделам, частью на заарендованных у казаков участках отавы, вплоть до первого снега, т. е. приблизительно до ноября месяца, после чего скот размещается по зимним хуторам и кошам и становится, если зима глубокая и снежная, на сухое сено.

Таковы те пути и броды, которыми проходят кабардинские стада в поисках хороших пастбищ, удобных водопоев, прохладных стоянок. Названные пути не легки и надо только взглянуть на карту скотопрогонов—на эти удивительные зигзаги, кривые и

петли, на эти «удобные броды», чтобы понять, что не дешевой ценой достается кабардинцу-скотоводу его подвижное, хлопотливое и в то же время хрупкое благосостояние. Правда, благодаря таким перегонам, ядро его благосостояния, основной капитал в скоте, как правило, оставался в целости, но проценты на этот капитал расли очень медленно и прихотливо, слишком много расходовалось на предвиденные и непредвиденные случайности. Помимо законной и необходимой платы пастухам (8-10%), много скота отставало и гибло, особенно молодняка, от длинных и утомительных перегонов, много тонуло при переходе через броды, падало от жары, от бескормицы (а в горах, случалось, и от холода), и, наконец, кабардинец-скотовод был совершенно беспомощен перед различного рода стихийными явлениями, как засуха, эпизоотии и прочее.

Вот внешняя картина скотоводческой культуры в Кабарде. Как всякий хозяйственный и жизненный фактор, он продиктован самой жизнью, он—ее порождение. А образ жизни, изначальная культура—диктовались географическими условиями. И первобытный человек, близко стоявший к природе, умел наблюдать законы и требования этой природы и быстро и согласно на всех широтах и долготах применялся к ним. И описанное выше явление (кочевое хозяйство) мы видим и по ту сторону Кавказа—кочевое хозяйство у курдов и горных татар Эриванской губернии; это мы видим и в культурной Швейцарии на сочных высотах Монблана и Санта-Роза.

О внутренней и хозяйственной стороне каждого вида скотоводства скажем отдельно.

VII. Кадр пастухов.

При описанном способе скотоводства обойтись без пастуха-овчара и опытного табунщика было бы затруднительно; и хороший толковый работник при стаде являлся необходимой принадлежностью всякого зажиточного кабардинца-скотовода. Однако, положение и труд пастуха в хозяйственном обиходе адыге были настолько заметны и значительны, что я остановлюсь на этом «представителе аульного пролетариата» несколько подробнее.

В соответствии со сложностью кочевого хозяйства и с установившимися веками обычаями, контингент этого пролетариата довольно многочисленен и разнообразен.

М е л ю х о. Как только кончалась зимняя стоянка и приближалось время выгонять стада на подножный корм,—овцевод начинал приглядывать себе пастуха. Предпочитался пастух степенный, расторопный, средних лет, но за отсутствием такового брали и молодого парня.

Крупные овцеводы, имевшие 400 и более баранов, нанимали пастуха на круглый год—с апреля и до апреля; мелкие хозяева—только на пастбищный период, обычно от 1-го апреля до 15 сентября и позднее.

На одну „палку", по-кабардински «тлякоубыт» (техническое выражение, означающее количество овец, с каковым мог управиться один пастух со своею палкой-ярлыгой), то-есть на 300—400 штук баранты, полагался один пастух-овчар—мелюхо, а на помощь ему иногда еще и мальчик-подпасок. Наем и выбор пастуха мелкими овцеводами обычно производился таким образом: какой-нибудь небогатый хозяин, которому не предвиделось на лето ничего более выгодного, заручившись сочувствием и поддержкой соседей, об'являл себя по своему кварталу «палкой». Это значило следующее: находя невыгодным для себя гнать на летние пастбища только своих баранов (каких-нибудь 30-40 штук), он начинал принимать в свою отару и под свою ответственность овец от других домохозяев, таких же мелких овцеводов, как и он сам. Когда набиралось стадо в 300-400 голов, «палка» считалась полной и

желающий сдать своих овец на лето должен был итти к другому пастуху, «палка» которого еще не закончена.

Годовая плата расторопному пастуху была не одинакова и колебалась в зависимости от качеств пастуха и величины стада. Например, у зажиточного скотовода М., жителя сел. Мисостово (Урвань), годовая плата пастуху, по его словам, была такова: 1) полная обмундировка от головы до ног: две смены белья и шаровары, бешмет, черкеска, папаха, чувяки, полушубок и бурка; 2) полный хозяйский харч, если он дома, или мука и соль, если он на кочевке, а к этому еще и мясное довольствие в следующих цифрах: пять барашков, плюс один на случайного гостя в лето со 100 штук, итого с 400 шт.—24 барашка; это называлось «золуконыш», то-есть питание на Золке; во время стояния на зимних кошах-хуторах—резалось в засол по 1 барану на пастуха со 100 штук и 1 на гостя—это называлось «отар-ныш», то-есть хуторское питание; 3) перед уходом на Золку пастуху (мелюхо) полагался для семьи один барашек весною, один осенью после возвращения и один зимой; 4) за свой труд, помимо указанного, он получал за 300-400 баранов—15 молодых барашков. Таково было нормальное годовое содержание ответственного пастуха у хороших хозяев. Молодой подпасок, если он имелся, получал обычно, помимо одежды, половинную плату против мелюхо.

Для сборной отары, где пайщики были нередко хозяева 30-20 и даже 10 овец, плата пастуху была не столь щедрая, да и нанимали его не на весь год, а всего на 4—5 месяцев. Тогда вознаграждение колебалось примерно в таких рамках: в селении Куденетово 1-е (Чегем I), где пастуха (мелюхо) нанимали с 1 мая по 15 сентября, плата была, по словам лягупежа, такова: на питание со 100 штук—полтора пуда пшена, 5 пудов соли, 5 барашков и одного на случайного гостя, всего 6 шт. со 100 голов; на уплату арендатору Баксанского моста 2 барана с балагана и прямое вознаграждение—10 коп. с головы. В селении Хату-Анзорово (Стар. Урух) пастуха для сборной отары нанимали также на один сезон—с 1-го апреля по 15-е сентября. По словам аульного лягупежа, здесь денежное вознаграждение было таково: 10 коп. с головы, если меньше 20 баранов, а, если больше, еще и пуд соли; на мясное питание с «палки» полагалось (палка тут считалась

300 голов) по договору 6-7 баранов; это называлось «нышуго», что значит очередной барашек.

Мель-тухо. Для кочкаров (баранов-производителей) сборного стада также полагался отдельный пастух—мель-тухо. Его нанимали хозяева кочкаров за особую плату. В некоторых селениях Б. Кабарды, по словам лягупежа К. М., плата за пастбищный сезон—вся осенняя стрижка кочкаров. Полагая обычное стадо кочкаров 300-400 голов, а вес руна с доброго барана—3-5 фунтов в среднем, мы имеем плату мель-тухо натурой 1500-2000 фунтов шерсти.

В селении Куденетово 1-е (Чегем I) мель-тухо за свой труд, с 1-го июня по 12 ноября, получал всю шерсть и по одному барану с каждой палки в данном балагане.

В селении Кармово (Каменномостное) мель-тухо получал всю осеннюю стрижку с баранов и по одному барану от каждого пайщика стада.

Мелюхо-пхлир. Должность караульщика—ночного сторожа—пастухи иногда выполняют сами поочередно, но чаще нанимают ночного сторожа—мелюхо-пхлир. Его обязанность несложна: днем он спит, ночью бодрствует—караулит отару. За свой труд этот ночной пастух получает харчи из общего котла и по барану с каждой палки. Должность кашевара (пшаба) на кочевьях исполняют поочередно сами же пастухи. Едят горячее 2 раза в день—в обед и ужин.

Лягупеж. 3000-4000 баранов, как я уже сказал выше, составляют один «кош» или балаган (подвижной хутор) и занимают на летних пастбищах на Золке и других местах отдельный участок, а пастухи балагана в своей внутренней жизни представляют небольшую общину. Для порядка и единства действий пастухи коша, обычно 8-10 человек, иногда и больше, выбирали из своей среды, чаще всего наиболее опытного пастуха, ответственным распорядителем—лягупежем.

Наем и выбор лягупежа своим характером напоминает выбор «палки». Владелец целого стада баранты (300-400 голов), решивший и лето остаться при своем стаде, об'являет себя лягупежем. Это означает, что он организует летний «кош» и принимает пастухов под свою ответственность и руководство. Если кандидат

подходящий опытностью и характером, «палки» идут к претенденту и заявляют о своей готовности быть под его началом, и «кош» быстро заполняется. Но если кандидат не пользуется достаточным весом и уважением среди одноаульцев, то случалось, он не находил себе товарищей и к большому конфузу шел на Золку лягупежем только собственного стада.

Тип лягупежа.

Должность лягупежа очень серьезна и ответственна: всегда на коне, он об'езжает стада своего балагана, следит за порядком на бродах и водопоях, подтягивает пастухов, наблюдая за их исполнительностью, хлопочет о новых пастбищах и он же является посредником в случае расчетных недоразумений между хозяином и пастухом. Для нужд балагана лягупеж, обычно за свой счет, снаряжал арбу и предоставлял свой медный котел, откуда и его название—лягупеж (лягуп—значит котел); лягупеж—буквальный перевод—распорядитель котла.

Плата ему, как и пастухам, была неодинакова. За свой личный труд, напр. в с. Куденетово 1-е (Чегем I), лягупеж получал, как одна «палка» (палка здесь 400 баранов), а за предоставление арбы, котла и собак он мог держать на коше еще 300 баранов, не платя за них денежной платы, а неся расходы только на «золуко-йыш». В сел. Хату-Анзорово (Стар. Урух), по словам лягупежа К., как за свой труд, так и за доставку арбы и котла он ничего не получал, но зато хозяева-пастухи бесплатно пасли его баранту, каковая у него насчитывалась под конец службы—1000 голов. В некоторых аулах лягупеж за свой летний труд получал 50 рублей деньгами и, кроме того, с 500 баранов по 6 штук с сотни—итого с 500—30 штук; кроме того, ему предоставлялось право распоряжаться салом с летних харчей пастухов.

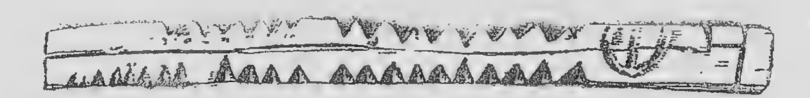
В придачу, в конце летнего сезона, когда баранта разбиралась по зимним кошам, лягупеж получал «нахтабу»—магарыч от мельтухо—добрую лошадь или стоимость ее. В других селениях этот «нахтабу» был меньше—мельтухо давали лягупежу 15 рублей деньгами; но и сам лягупеж не был свободен от этого «нахтабу» по отношению к своим товарищам и, при прибытии отары на Золку, он резал пастухам хорошего барана; этот баран назывался «лягуп-цада», что значит подарок лягупежа. По возвращении с летних пастбищ во время стрижки кочкаров подобный же магарыч—нахтабу—мельтухо ставили и своим товарищам по балагану—мелюхо, за их помощь при стрижке кочкаров: варили бузу с медом, готовили «халива» (пироги с сыром) по одному на каждого, варили по одной курице, пекли «жемухо»—сырники с маслом. Этот пир у пастухов продолжался иногда 2—3 дня; так как он обычно совпадал с осенней стрижкой, то назывался «цишуххо», что значит осенняя стрижка.

Из сказанного видим, что выше всего ценился труд мельтухо (пастуха кочкаров-производителей). Даже за вычетом магарычей—пастухам и лягупежу, его заработок (1500-2000 ф. шерсти и 10-12 баранов) все-таки не спускался ниже 200-250 рублей. Значительно ниже ценилась работа мелюхо—рядового пастуха-овчара: за свою летнюю работу, обычно, он получал на руки не больше 30-40 рублей деньгами, да 10-12 молодых барашков, что приблизительно равнялось тоже 20-30 руб.; а всего он получал за

свой летний труд, за 5-6 месяцев—50-60 р. или 10 р. в месяц. Еще меньше платили ночному сторожу—мелюхо-пхлир: помимо харчей из общего котла, он получал 10-12 барашков и больше ничего. Переводя это на деньги, мы получаем 20-25 руб. или 5 руб. в месяц.

В особых условиях находился лягупеж. Считаясь также в числе пастухов, он, однако, и по своему заработку и правовому положению скорее был приказчик, доверенное лицо общества или отдельного квартала, чаще же главным пайщиком летнего «коша», в котором нередко добрую долю составляли его собственные стада овец (например, лягупеж селения Хату-Анзорово, К., на летнем коше в 3000 баранов имел своих 1000 голов). При таком положении вещей для него было прямым расчетом в течение всего лета находиться при своем стаде. Поэтому нас и не должно удивлять, что за свою нелегкую, ответственную работу в должности лягупежа он со всякого рода вознаграждением за аренду коша, котла и собак и с обязательным подарком от мель-тухо—получал 120—150 руб.; это была для него чистая прибыль от летнего надзора за своими и попутно за чужими стадами.

Таковы были экономическое положение пастухов-мелюхо и их товарищеские взаимоотношения. Никаких расписок в приеме овец от пастуха сборной отары не полагалось, потому что безграмотность была с обеих сторон абсолютная. Вместо расписки, хозяин отары брал белую выструганную палочку в 3—4 вершка длины и делал на ней понятное для обеих сторон услов-

Бирка—„пха-ибза".

ное число пометок-зазубрин; на конце вырезывал свое тавро и, расщепив эту бирку-памятку, называемую «пха-ибза» пополам,—одну половину оставлял себе, а другую отдавал пастуху, который и берег ее, как оправдательный документ. Лягупеж, принимая в свой кош «палку», брал от него «пха-ибзу» и отмечал ее резы у себя на своей большой бирке («пха-ибза» лягупежа), а мелкие палочки-памятки возвращал пастухам. Осенью при раз-

бивке стад, хозяин пред'являл свою половину мелюхо, тот возвращал свою, половинки складывались, документ восстанавливался, и пастух возвращал следуемое количество баранты. Такова была форма для деловых обязательств и контрактов у скотоводов с пастухами баранты, и рогатого скота, и лошадей.

Пастухи рогатого скота также нанимались на разные сроки, смотря по надобности,—у крупного богатого скотовода они оставались круглый год, у хозяев сборного стада—на пастбищный сезон. На попечение одного пастуха сдавалось обычно от 100 до 200 голов всякого возраста без телят. Для такого стада у хорошего единоличного хозяина полагалось, по словам К. М., три человека работников.

А х о—собственно пастух. В с. Мисостово годовая плата ему приравнивалась к плате мелюхо, т. е. он получал тоже полную обмундировку и приблизительно столько же на мясное довольствие, но жалованье свое он получал телятами, не менее 15—20 шт. Кроме этого, после Золки, в горах, он брал от коров весь удой вплоть до возвращения их на плоскость. По возвращении на юртовые пастбища, если зима была не очень снежная, рогатый скот даже у зажиточного скотовода, долго еще оставался на подножном корму под надзором одного или нескольких пастухов. Если же сразу падал глубокий снег, то и крупный и мелкий скот приходилось загонять на зимний «баз», и тут работник и пастух делался еще нужнее: он задавал корм скотине, гонял на водопой, случалось, чистил баз, если уж слишком много накоплялось навоза.

Ж е м ы ш—доильщик коров. Плата ему выражалась обычно определенным процентом надоенного молока. В селении Мисостово, например, он брал удой от 9-й коровы, и, кроме этого, получал в лето пару белья, штаны, бурку или количество шерсти, необходимое для бурки (не менее 15 фунтов), бешмет и пропитание из общего котла. Плата пастуху сборного стада, уходящего на Золку, также колебалась в зависимости от достоинства пастуха, срока найма и др. причин. В том же Мисостове плата ему, примерно, приравнивалась к плате пастуха сборной отары, каковую плату он получал деньгами или телятами. В с. Куденетово 1-е ему платили 1 р. 50 к. с головы за пастбищный период —итого с 200 голов за летний сезон около 300 рублей. Обычно эта плата делилась между двумя товарищами пастухами.

К о ж е-а х о—летний пастух аульного стада. Этот общественный работник всегда был у женщин-туземок предметом особых забот и попечений. Нормальной летней платой ему считалось, во-первых—удой 1 дня с каждой коровы, во-вторых—25 молодых телят за его летний труд, что в переводе на довоенный рубль равнялось не менее 250—300 рублей. Харчился он поочередно у каждого домохозяина, но квартировал в одном определенном месте, чтобы всякая хозяйка знала, в случае надобности, где его найти.

Вдумываясь в эти цифровые данные по оплате пастухов рогатого скота, мы замечаем, что здесь вознаграждение за летний труд наймита ближе к удовлетворительному: правда, оно не подымается выше 250 рублей, но и не спускается ниже 150 руб.

Переходим теперь к коневодству, при котором роль табунщиков-пастухов несравненно значительнее.

Ш и б з-а х о, что значит пастух-табунщик; это хозяйский глаз, это верный работник на своем трудном посту. Его опыту и добросовестности вручалось лучшее достояние хозяина—табуны кабардинских скакунов, этой гордости княжеских и узденьских фамилий,—и хороший, отважный табунщик высоко ценился опытными коневодами. За свой труд, также как и мелюхо, он получал от хозяина всю обмундировку и жалованье натурой—от 25 до 50 штук жеребят, а, кроме этого, в добавление платы—подарки от хозяина.

Ш и б з-а х о-л я г у п е ж. Ответственным распорядителем за весь табун в 200, иногда 300 маток, и за его целость считался старший среди табунщиков (каковых на большой табун бывало 10 и 12 человек)—шибз-ахо-лягупеж, что значит—лягупеж коней. Если табун принадлежал частному лицу, то таковым табунщиком-распорядителем делался, как правило, сам хозяин; если это был сборный табун, то шибз-ахо-лягупеж выбирался табунщиками из своей среды, и обычно таким ответственным распорядителем делался наиболее крупный коневод данного табуна. Его обязанности (но не плата) были тождественны лягупежу баранты; в вопросе о вознаграждении некоторые аулы, напр. Куденетово 1-е, начали переходить на денежное довольствие, каковое и выражается там в сумме 3 руб. в лето с тавреной лошади. Кроме этого, осенью шибз-ахо-лягупеж об-

езжал аул и собирал повинну, каковую ему охотно платили обычно копченой бараниной.

Шитляхо-пхлир—что значит ночной сторож стреноженных лошадей. Его обязанностью было караулить отдыхающих, но оседланных лошадей табунщиков, когда последние ночевали на коше в балагане. Его летняя плата обычно была такова: он получал овчин на шубу, бурку или шерсти на бурку, бешмет, штаны и белье; третью часть сала от летнего котла и еще деньгами 10—15 руб.

Пхлери-шхо—ночной караульщик общего табуна. В сел. Мисостове получал когда-то по одному жеребенку за каждый месяц от табуна в 200 голов тавреных коней, полное одеяние и харч. Иногда при сборных табунах—одного жеребенка в лето за 20 тавреных лошадей и всю одежду, которую справляли ему табунщики и более крупные коневоды, имеющие 4—5 десятков тавреных лошадей.

Питались табунщики из общего котла с пастухами баранты, даже и в том случае, если они были не из одного квартала и не одного хозяина (этого требовал адат гостеприимства), и шестой барашек, о котором говорилось выше, шел, главным образом, на питание табунщиков.

Просматривая цены табунщиков—шибз-ахо, мы замечаем, что низшей платой у этого кадра считалось 50—60 руб. в лето (заработок шитляхо-пхлир—ночного сторожа), высшей платой—заработок табунщика-лягупежа. Этот последний накануне войны получал за свой летний труд не менее 500 руб.; средний заработок рядового табунщика около 300 рублей.

Таким образом, сравнивая летний заработок пастухов всех трех категорий, мы замечаем, что, при равномерной трудности, и работа и плата пастуху повышалась с повышением опасности, которой подвергался наймит при исполнении своих обязанностей. Больше всего такой опасности от хищников-грабителей подвергался табунщик, как пастух и хранитель самого драгоценного для кавказского горца вида животных. Меньше всего рисковал пастух-овчар, почему и средний заработок его не подымался выше 70—80 рублей в лето.

Таков был кадр служителей и таково было материальное обеспечение людей, заботами и трудами которых держалось все кабардинское скотоводство в широком смысле этого слова. Эти

работники, не смотря на некоторое зависимое положение, далеко не были похожи на своих русских собратьев. Пастух у кабардинцев—это не наш бездомный и бесправный горемыка, а равный среди равных; и хороший мелюхо или опытный шибз-ахо или шибз-ахо-лягупеж—это уважаемый и видный член сельского общества, которому всюду привет и уважение. Когда кабардинец хотел похвалить всадника за его уменье ездить верхом и управляться с лошадью, то он говорил: «он ездит, как табунщик».

Такое завидное положение наймита можно об'яснить двумя причинами: во-первых, важностью и ответственностью того дела, которое ведет этот рядовой работник, а мы знаем, что большое дело повышает в глазах общества и тех лиц, которые непосредственно стоят у этого дела и служат ему; во-вторых и тем, что здесь на пастбище каждый пастух был в то же время, обычно, и владетелем, хотя маленького, но своего табунка, который ходил здесь же и под его присмотром. И на мой вопрос, кто выбирал лягупежа—хозяева или пастухи, я долго получал сбивчивые ответы: то мне говорили, что его выбирали пастухи, то—сами хозяева, и я не знал, чему больше придавать веры, пока не разобрался, что собственно и то и другое правильно, так как пастухи нередко были в то же время и сами хозяева.

Кроме этого, рядовой пастух, как многие уверяли меня в Кабарде, мог сделаться хозяином и достаточно обеспеченным человеком, а разорившийся «дыженуго» (уздень—дворянин) находил себе здесь и подходящий заработок и реальные надежды на улучшение своего положения, почему у кабардинцев и создалась пословица: «истинный рыцарь может разориться три раза, но и оправиться должен три раза». Насколько эта пословица имела под собой основания, мне указывали на реальные факты, что рядовой пастух «мелюхо» после 3—4 лет службы делался владетелем 100—150 баранов, а один из лягупежей, начав свою службу при 300 баранов, к концу ее имел 1000 с лишним голов. Про одного из пастухов—уорка Ш. К. рассказывали, что, послужив у зажиточного скотовода несколько лет, Ш. отошел от него хорошим хозяином и скотоводом. Не отрицая счастливых случаев такого обогащения, особенно среди табунщиков, индивидуальный заработок которых ав летние месяцы подымался иногда до 500—600 рублей (цифра

для глухого аула очень высокая), я замечу при этом, что трудно было надеяться на такую удачу пастуху-овчару, летний заработок которого, случалось, не подымался выше 40—50 рублей.

Пастухи считались хранителями всякого рода традиций и всего «адыге-хабзе» (кабардинских адатов). И оставшиеся дома хозяева в течение лета охотно посещали летние пастбища на Золке, с такой богатой растительностью, что в ней без труда, случалось, скрывались и стада и всадники вместе с лошадью. Здесь в теплые летние вечера трещали яркие костры, лилась буза, звучали песни и струны фындыра, и сами хозяева, пастухи и их заезжие гости обильно насыщались сочным и нежным мясом молодого барашка, слушая песни молодежи и рассказы про старину седого лягупежа. Вот почему богатые узденьские и даже княжеские фамилии в былые годы, по рассказам стариков, не считали зазорным для себя отправлять молодежь с пастухами на летние пастбища, чтобы они могли на деле ознакомиться и с трудом, и невзгодами пастуха, и с его искусством—выбрать барашка, зарезать и освежевать его, сварить или сжарить, принять и угостить заезжего гостя.

Так адыге, даже первенствующее сословие, смотрели на звание и дело пастуха. Оно и понятно—кабардинец прирожденный скотовод и пастух, и он не мог не уважать того звания, в котором сам родился и вырос.

Тавро и тавренье.

Тавро-„дамага".

Перед уходом на Золку годовой молодняк всех видов—бараны, бычки и жеребята—предварительно таврируется. Тавро (по кабардински «дамага») — родовой или фамильный знак собственности—подобие герба или именной печати. Тавро изготовлялось и изготовляется из железа—поменьше для овцы и побольше для лошадей и крупного рогатого скота, и насаживается на деревянный держак.

Для тавренья в каждом хозяйстве выбирался день, по приметам, счастливый для этого дома. День тавренья (дамага-тедзя) считался у скотоводов незаурядным: о нем оповещали заранее и к этому случаю варилась буза, резались бараны, готовились разные пшеничные печенья. Заходил всякий, кто хотел.

Самый процесс тавренья происходил так. С утра, в день тавренья, стада загонялись на широкий двор, обычный в планировке кабардинских усадеб, и размещались по отдельным базам (годовики крупного и мелкого скота); годовые жеребята оставались на дворе. Предварительно разводился костер и в огонь клали тавро. Табунщик (шибз-ахо) обычно волосяным арканом ловил стригунков. Молодой горячий конек, почуяв у себе на шее неприятный придаток, бежит вперед, взвивается на дыбы и, потеряв равновесие, падает. Работники быстро подбегают к нему, прижимают к земле его ноги и голову, а хозяин-коннозаводчик проворно подходит с

раскаленным тавром и прижигает ему до первого обжига эту печать, смотря по надобности, на правой или на левой ляжке; у коровы и бычка—на лопатках, у барана—на щеке.

Так как одним тавром пользовались иногда несколько однородных фамилий, то, во избежание путаницы, делались добавления—для лошади подтаврок (маленькое неполное тавро, которое выжигалось на правой или на левой стороне шеи), для овцы—нарез сбоку или снизу на правом или на левом ухе. Пока одним клеймом метят, другое уже накаляется в огне и готово к моменту, как только первое остыло. Никаких предохранительных мер для ранки не принималось, и через 2—3 недели обжиг заживал и сам, но след от тавра оставался навсегда, являясь для животного открытым и бессменным паспортом.

Одновременно с таврением у молодых жеребят подстригают хвост и гриву и передают волос старикам-гостям, как матерьял для пут и арканов. Усевшись где-нибудь в сторонке, старики, не торопясь, связывают волос в пучки и, в ожидании будущего угощенья, попивают холодную, вкусную бузу. По окончании тавренья начинается настоящий пир—мальчишек одаривают конфектами, наиболее почетные старики-гости садятся вместе с хозяином за особый стол, и начинается обильное угощенье: тут и баранина, и говядина, и жареное, и пареное, разные напитки—буза, арака, и сласти... Неженатая молодежь—юноши и девушки—где-нибудь в сторонке устраивают игры и танцы, а затем—джигитовка и скачки. Начинающий небогатый скотовод-крестьянин, устраивая день таврения, стремился подражать уорку, но, конечно, за отсутствием средств, устраивал его попроще.

Тавро—«дамага»—родовой знак собственности и фамильный герб своего рода, в прежние годы являлся принадлежностью только привиллегированных фамилий *), и крестьянин мог пользоваться тавром своего уорка только с его разрешения. Тогда, во избежание недоразумений, в Большой Кабарде лошадь уорка метилась на левой ляжке, лошадь крестьянина на правой; однако, в М. Кабарде этого обычая не придерживались строго.

---

*) Сто лет тому назад за подделку тавра преследовали и наказывали по закону.

IX. Овцеводство.

Начинающий скотовод много не мудрствовал и не ломал головы—какую породу ему заводить и как заводить. То и другое, как сын ли домовитого хозяина, или как работник-подпасок, он видел и изучал с самого раннего возраста. Позднее, делаясь самостоятельным хозяином, он или наследовал от отца готовый завод баранты, а вместе с этим и семейные и хозяйственные традиции, или, если он был круглый «байгуш» (бедняк-пролетарий), то он делался работником-пастухом, и в этой должности приобретал и необходимый опыт и первые начатки своего собственного хозяйства в виде годовой платы за труд той же самой барантой, какая имелась кругом него во всем ауле. Так обыкновенно начинал свою карьеру скотовода рядовой кабардинец.

В прежнее, дореформенное время, когда фактическим хозяином в Кабарде являлся уорк или князь, располагавший обширными даровыми пастбищами и даровыми крепостными пастухами и рабочими, овцеводство, как и все скотоводство вообще, было преимущественно, если не всецело, сосредоточено в руках привилегированных; их бесчисленные стада овец и рогатого скота беспрепятственно бродили по тучным пастбищам под присмотром и охраной целых десятков работников и надсмотрщиков (см. об этом в гл. «Скотоводство на Северном Кавказе, его давность и система»). Падение крепостного права и лишение даровой силы нанесло большой удар скотоводству привилегированных сословий. Лишившись даровых работников и приказчиков, уздени, не смотря на обширность степей и пастбищ, не могли их утилизировать сами, хотя бы в тех размерах и теми несложными приемами, какими они утилизировали их раньше, так как скот, за отсутствием рынка, был настолько дешев, что первое и самое трудное время он не окупал наемного пастуха и табунщика.

Стада привиллегированного сословия начали быстро таять. Зато их бывшие крепостные и просто свободные люди Кабарды взяли это дело в свои руки и повели его, как умели. Сделавшись обладателем маленькой баранты, молодой хозяин принимался за

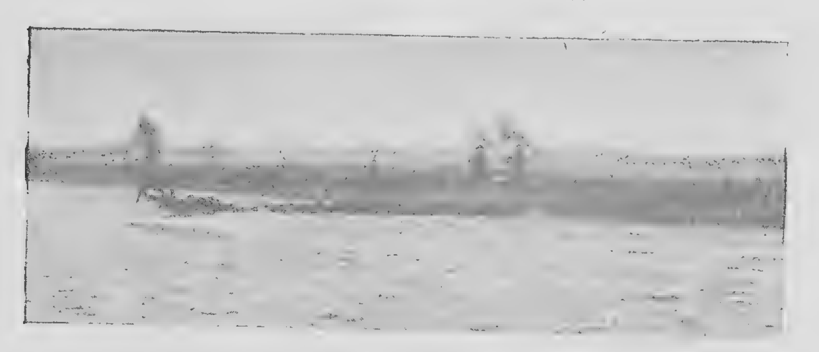
ее устроение и умножение. Но это устроение не отличалось каким-либо новшеством и широтой планов. Эту новизну знали мало да и во всяком случае боялись ее. Жили по старине и ее адатам; и во всяком деле, особенно молодые хозяева, внимательно прислушивались к советам стариков и наиболее опытных хозяев-скотоводов, каковыми являлись лягупежи. То же и в деле овцеводства. Завести хороших и крупных кочкаров и маток к ним, и непременно черной шерсти (черная шерсть была наиболее подходящей для бурок и ценилась дороже белой), удвоить, утроить, удесятерить свой маленький завод — вот сокровенная мечта каждого молодого скотовода. К этому его побуждали расчеты экономической выгоды и глубокие наследственные инстинкты кочевника-номада, выросшего среди тучных необозримых степей.

Домовитый овцевод заботился не только о качестве производителей, но и о числе их. Посему обычной нормой в стаде хорошего овцевода полагалось—один кочкар на 10 маток; меньшее количество баранов, как показал вековой опыт, было нежелательно, так как часть маток могла остаться непокрытой, что было в хозяйстве явлением убыточным.

Во избежание беспорядочной случки, а, следовательно, и преждевременного ягнения, бараны-самцы всегда ходят отдельно от овец: в 1-х числах ноября, т. е. с возвращением отары на зимние коши, кочкары подпускаются к маткам для случки, которая продолжается до конца декабря, после чего кочкары вновь отделяются и пасутся отдельно от овец до будущей осени. Овца нормально носит около 20 недель, и с конца марта, с первых чисел апреля начинается ягнение. Молодые ягнята—самцы—обычно дней через 10-12 кастрируются и пасутся вместе с матками. Лучшие экземпляры самцов оставляются нетронутыми для пополнения стада кочкаров, которых не держат в одной и той же отаре более пяти лет, и заменяют новыми, передавая старых на продажу и на убой. Молодой баран делается производителем уже с осени будущего года, т. е. в возрасте полутора года.

Главную основу овцеводства составляли и составляют перегон и пастьба баранты на горных пастбищах. Только при их наличности возможно было овцеводство в Кабарде в том размере, какой оно имело до последнего времени.

Перегон баранты сопряжен с немалыми трудностями, особенно весною, когда стада имеют в своем составе ягнят. Главную трудность составляет переправа через многочисленные реки, которые пересекают скотопрогон. Весною, когда реки еще полны

Переправа баранты через реку Баксан.

весенних вод, перегон особенно затруднителен, и не мало овец, особенно ягнят, гибнет в разбушевавшихся волнах.

С прибытием на Золку каждый балаган (3000-4000 баранов) занимал свой участок, на котором и оставался в продолжение мая и июня месяцев. Здесь пастухи устраивали шалаш, куда и складывали свой незатейливый скарб: кое-что из платья, продукты и проч.; рядом же небольшой участок, смотря по величине отары, обносился легкой переносной плетневой изгородью для ночевки баранты—вот и все несложное устройство летнего коша.

На ночь отара обычно возвращалась к балагану и только в редких случаях ночевала там, где ее заставала ночь. Место коша дней через 15 (в виду загрязнения) менялось, и выбиралась новая стоянка.

По свидетельству старожилов, лет сто тому назад овец и коз доили наряду с коровами и буйволицами, но затем, когда рогатый скот стал увеличиваться в численности и улучшаться качественно—обычай доения овец и коз был понемногу оставлен, как хлопотливый и мало выгодный, и только в самое последнее время, вероятно в виду сильного сокращения рогатого скота, кабардинцы вспомнили старый дедовский обычай и вновь начали доить овец и коз, хотя и в незначительном количестве.

Как я уже упоминал выше, на Золке стада оставались до средины июля (ст. стиль) и вместе с тем до конца Горячеводской ярмарки. Названный рынок в жизни кабардинца-скотовода играл не последнюю роль. Здесь он менял или продавал излишек скота, доставал, случалось, нового породистого производителя, заводил знакомства, находил потребителей и покупателей для своего скота на будущее время. В середине июля стада покидали Золку и отправлялись на нагорные пастбища (о них см. выше), которых и достигали на 4-й день.

С наступлением дождей и холодов, примерно около 1-го сентября, стада (первыми овцы) оставляли Эльбрусские нагорные пастбища и поворачивали назад. На обратном пути они еще раз пересекали Золку и около 1-го октября возвращались домой.

Стрижка овец обычно производилась два раза в год—весною и осенью. Но осенняя стрижка, которая начиналась по возвращении с пастбищ, считалась главной, равно как и осенняя шерсть

Стрижка овец.

считалась важнейшей статьей дохода овцеводства. В связи с этим день стрижки, как и день таврения являлся днем незаурядным в жизни овцевода-кабардинца. О нем обычно заранее извещали по кварталам и, выбрав теплый, сухой день, приступали к делу. Собирались соседи-родственники, и работа начиналась. Один или два из присутствующих ловили и подавали баранов, другие 5-6, иногда и больше—стригли, один или двое собирали шерсть и скручивали ее для удобства и экономии места с каждого барана в отдельные комки (руно). Хороший работник мог остричь за день 50-60 голов. Стригунам ничего не платили—это было обоюдное одолжение; зато после окончания работы их угощали хорошим, сытным обедом с бузою и прочими вкусными добавлениями, почему на эту работу охотно шли и подростки и взрослые люди. К этому времени обычно приурочивалась и расплата хозяев с летними пастухами и их веселая обильная 3-х дневная попойка, о которой я говорил выше в главе о пастухах. Овечья шерсть для скотовода старого времени была расчетной монетой: ею овцевод-кабардинец расплачивался с косарями, поденщиками и т. п.

С приходом на зимние стоянки кончался тревожный пастбищный период овцевода, он готовился к будущему году и в то же время подводил итоги прошлому: резал и продавал баранов, продавал собранную осеннюю шерсть, валухов и молодняк. До войны цены на шерсть колебались от 3 до 4 руб. за пуд и выше. Если принять за норму хозяйство среднего обычного овцевода (200 шт. голов, не считая кочкаров, шерсть которых шла на уплату мель-тухо), а средний вес руна с овцы 3 фун., то с 200 голов мы получаем 600 фунтов или 15 пуд. шерсти; считая среднюю стоимость шерсти 4 р. за пуд, имеем 60 рублей, выручку от отары в 200 голов. Что касается баранов, то цены на них за тот же период стояли также не высоко—хороший баран $2^1/_2$-3 р., лучший на выбор—5 рублей, годовой барашек—1 руб., а под Эльбрусом в сезон пастьбы и сгона баранты можно было купить молодого барашка и за 50 коп.

Нельзя сказать, что это было бы очень выгодно даже для прошлого времени, а тем не менее кабардинец упорно держался и держится за овцеводство. Об'яснить это можно только привычкой и потребностью к передвижению, унаследованной от дедов, сла-

бой привязанностью к упорному и систематическому труду земледельца и, наконец, отсутствием больших запросов к результатам хозяйства. Не давая больших барышей, баранта питала кабардинца и его семью круглый год, а также и одевала. Из шерсти, которую он снимал со своей овцы, он ткал сукно для себя, валял бурку и войлок, излишек продавал для покрытия разных хозяйственных нужд, из овчины делал шубы себе и домочадцам. Не смотря на большую убыль молодых животных, которые шли на покрытие расходов по названному же промыслу, некоторые овцеводы утверждают, что, при хороших условиях и разумном ведении хозяйства, в 3-4 года овцевод удваивал свой завод.

Возможно, что в отдельных случаях это и бывало так, но фактически в Кабарде количество овец неуклонно уменьшается, что находится в связи с развитием земледелия и с общей, хотя и медленной, но несомненной, интенсификацией хозяйства.

X. Крупный рогатый скот.

Наряду с овцеводством в Кабарде уделяется большое внимание разведению крупного рогатого скота. Но эта отрасль животноводства пользуется указанным вниманием совсем недавно.

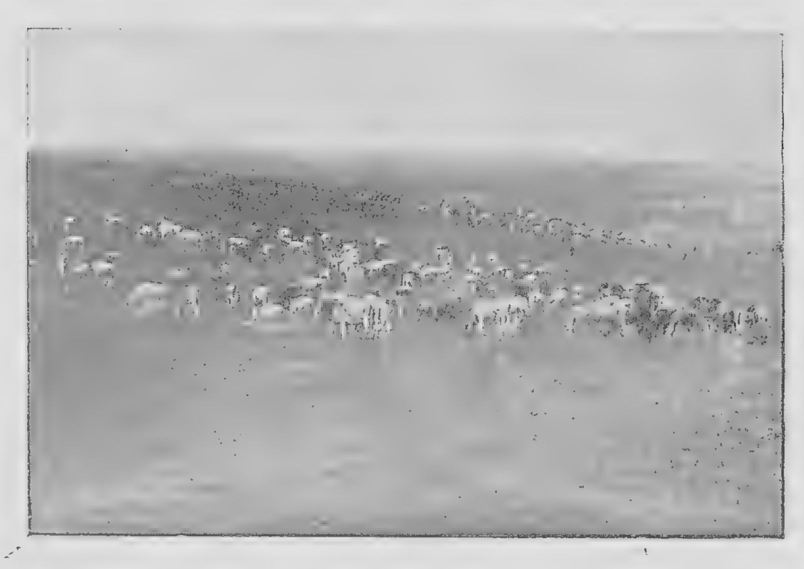
В прежнее время овцеводство, безусловно, доминировало над крупным рогатым скотом. За это говорят и кавказские легенды, вроде мифа про Полифема и более поздние воспоминания и поныне еще здравствующих кабардинских старожилов.

Эти последние говорят (как я уже сказал выше), что лет восемьдесят-сто тому назад овец и коз усердно доили, и овечий сыр был обычным и распространенным продуктом среди кабардинцев (подчеркиваю, при даровом труде крепостных). Последние годы корова и ее продукты—сыр, молоко, масло, сделались преобладающими. По нашему мнению, главной причиной такого настойчивого внедрения коровы в жизненный обиход кабардинца является не увеличение запашки, не сокращение пастбищ (их до 1914 г. было еще достаточно), а большая прибыльность коровы перед овцой, которая при наемном труде делается, если не убыточной, то и бесприбыльной, чего нельзя сказать о корове, даже

самой посредственной, каковой являлась и является в настоящее время корова кабардинца.

Правда, за последние 50-60 лет в породе и внешнем виде кабардинской коровы произошла значительная перемена. Прежняя мелкая горская коровка почти по всей Кабарде заменилась довольно крупной коровой—черноморкой, а черноморку, в чаянии большей молочности, местами стремятся заменить коровой русской, немкой и даже швицем. Но, обновляя породу, кабардинец не спешит обновить систему скотоводства, и его теперешний скот, вернее новая порода, переживает все те же пастбищные мытарства, которые переживала в прежние годы захудалая горская коровка.

Крупный рогатый скот одновременно с овцами покидает зимние базы и коши и вместе с ними до глубокой осени или вернее до начала зимы, а иногда и круглый год находится в непрерывном движении в поисках корма и водопоя. При стаде неразлучно круглый год находится и бугай-производитель, который по своему усмотрению кроет как взрослых коров, так и подростающих телят—никакого вмешательства человека в этом отношении нет. Первое время, как я уже сказал выше, до угона на Золку

Стадо на Золке.

весь рогатый скот пасется на юртовых наделах. Затем скот разделяется: быки и дойные коровы, предназначенные для домашнего обихода, остаются дома и пасутся на юртовых выгонах (хуп-аха) под надзором летнего аульного пастуха (коже-ахо); излишек—быки, бычки, дойные коровы, яловки отправляются на Золку. Годовалый молодняк перед уходом на пастбище таврируется, а большую часть бычков к этому времени холостят. Животные некрупных хозяев соединяются в более многочисленные стада и передаются на ответственность и под надзор толковому пастуху—одному или двум-трем, если стадо большое, за надлежащую плату и под известную уже нам расписку.

В начале мая скот двигается на Золку. Следом за ним идут пастухи и доильщики, арбы с кадками и др. принадлежностями для сыроварения. Я не буду здесь повторяться о тех путях и трудностях, через которые проходят кабардинские стада и отары: об этом я уже говорил выше.

Весь Золкинский период дойные коровы и их удой находятся на хозяйском учете, как я уже сказал об этом раньше в главе о пастухах, почему и телята в этот период пасутся отдельно от коров. Коровы доятся утром и вечером, цельное молоко немедленно сквашивается и превращается в сыр, последний солится, складывается в кадки и хранится в балаганах. С отбытием стад и пастухов на Эльбрусские предгорья, сыр забирается хозяевами, и в дальнейшем весь удой предоставляется пастухам и доильщикам; по возвращении на плоскость рогатый скот, так же как и баранта, месяц-другой еще остается на подножном корму и с наступлением зимы загоняется на зимние коши, на сухие корма до новой весны.

XI. Коневодство.

Коневодство—национальный промысел, душа и гордость не только кабардинского, но и всего адыгейского народа. Давность этого промысла теряется во мраке глубокой старины. Легенды и песни *) про лихих скакунов и наездников, остатки костяков в курганах и могильниках согласно говорят, что конь на Кавказских степях появился не менее двух с половиной тысяч лет тому назад. Надо думать, что также давно он знаком и черкесам. За это говорит то, что одно из племен адыгейских называлось «ш а п-с у г и», что значит на нижнеадыгейском наречии—коневоды. Четыреста, а, может-быть, и пятьсот лет тому назад кабардинский конь пользовался уже прочно установившейся репутацией. Это видно из того факта, что представители Пятигорских черкесов, в чаянии покровительства и защиты со стороны московского царя Ивана Грозного (год 1552-й и позднейшие) предлагали себя в подданство и обещали ему, помимо военной помощи, определенное количество аргамаков, не считая для себя зазорным предложить их в дар такому богатому и привередливому царю, как Иван Грозный. Также высоко стоит репутация кабардинской лошади и 50 лет спустя; это видно из того, что кабардинцы, поздравляя первого Романова с восшествием на престол, в посольстве от своего народа в 1616 году, приводят ему в дар двадцать превосходных аргамаков. Такова давность заслуженной славы кабардинской лошади.

Как попала на Кавказ лошадь и при каких обстоятельствах—на это ответа пока дать не можем; одно можем сказать, что умеренный, почти теплый климат, обильные травами предгорья, тучные беспредельные степи—все это вместе взятое составило отличные условия для существования лошади на Северном Кавказе, а вооруженная борьба конкурентов из-за этих пастбищ упорно побуждала древнего номада искать себе и тренировать союзника тут же под рукой; и таким крепким надежным союзником в борьбе с

*) Сказание про табуны Атажуко, сказание про Адемиркана и его несравненного коня Жеманшерика, раскопки кургана Карагедэуашх и пр.

врагом оказалась лошадь, почему она и заняла в повседневном обиходе кочевника, в частности кабардинца, такое исключительное место. В самом деле, вдумаемся, чем являлась для первобытного человека лошадь..... Она для него—средство для быстрого передвижения, грозный союзник при схватке с неприятелем, спаситель при бегстве от более сильного врага; молоко кобылицы—превосходный напиток, а в последний момент мясо лошади идет в пищу, а крепкая кожа на хозяйственные поделки; надо вспомнить все это, и нам понятна станет страстная привязанность кочевника-скотовода к своей лошади.

Происхождение и зарождение лучших конских заводов в Кабарде обвеяно поэтическим вымыслом, нередко сказочного характера. Таково, напр., сказание о конском заводе Шолоха, про которого легенда (записанная академиком *Палласом*), отмечает, что первый жеребец его завода чудесным образом вынырнул из моря. Интересен также и очень характерен в бытовом отношении рассказ о происхождении не менее известного конского завода в Кабарде Лоова Абазинского, который ценой дочери и ценой собственной головы приобретает сказочной красоты производителей, положивших основание славному заводу, и др.

Все это говорит, какое значение и какое место занимал конь у черкеса-воина и у кабардинца в особенности. И про кабардинского скакуна—его красоту, силу и ловкость, его выносливость и привязанность к хозяину—среди горцев сложился целый цикл песен, сказок, пословиц и поговорок. Привожу одну из таких песен, которую записал в бытность свою на Кавказе наш поэт *М. Ю. Лермонтов* (см. его роман «Герой нашего времени»).

Много красавиц в ауле у нас,
Звезды сияют во мраке их глаз,
Сладко любить их—завидная доля;
Но веселей молодецкая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены,
Он и от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет.

Эта слава кабардинской лошади давно уже перешагнула нынешние скромные границы Кабарды и была известна в самых отдаленных уголках быв. Российской Империи. По словам женщины-

врача, природной сибирячки А. С. М., лет тридцать тому назад Забайкальские казачки распевали песни про лихого коня с кабардинским тавром. Такая популярность кабардинской лошади не могла остаться незамеченной, в связи с чем многие наблюдатели и путешественники по Кавказу, начиная от академика *Палласа* (был на Кавказе в 1794 году), кончая позднейшими, приглядываются к этой лошади, описывают ее достоинства, зарисовывают ее, а также зарисовывают и тавра лошадей (уже известные нам родовые знаки собственности).

В разное время преобладали не одни и те же заводы—во времена *Палласа* первое место по своим качествам занимали кони уже упомянутого выше Шолоха, кони которого отличались особым устройством своего копыта (оно представляло совершенно цельный сросшийся стаканчик). Однако, наряду с заводом Шолоха, высоко также ценились и кони уже известного нам тавра Лоова и Трама Абазинских; это отмечает и *Л. Н. Толстой* в своей повести «Казаки».

В последние годы, годы предшествовавшие мировой войне и революции, выдвинулись сразу несколько заводов и завоевали себе солидное место, если не качеством, то количеством. Наиболее крупный из них—Лафишева насчитывал в своих табунах до 3000 голов; наряду с этим заводом большой известностью также пользовались кони тавра Наурузова, Атажукина, Мисостова, Абезивнова, Коцева, Танашева и друг. Эта постоянная конкуренция коннозаводчиков, страстная привязанность к лошади (вспомните разговор Азамата с Казбичем в том же романе *Лермонтова* «Герой нашего времени», глава «Бела»), понимание ее достоинств и недостатков и всей ее природы, умение выращивать ее и выезжать—все это вместе взятое и создало в прошлом ту породу кабардинской лошади, которая до самых последних лет занимала первое место в ряду заводов Северо-Кавказских лошадей.

Легенды и наблюдения ранних исследователей наталкивают нас на мысль, что кони кабардинские не местного происхождения. Факты подтверждают это предположение. Многие глубокие старики в Кабарде, говоря про прежних коренных коннозаводчиков, сообщают, что каждый из них полагал задачей жизни на закате дней своих сходить или в Сирию, или, по крайней мере, в Карабах,

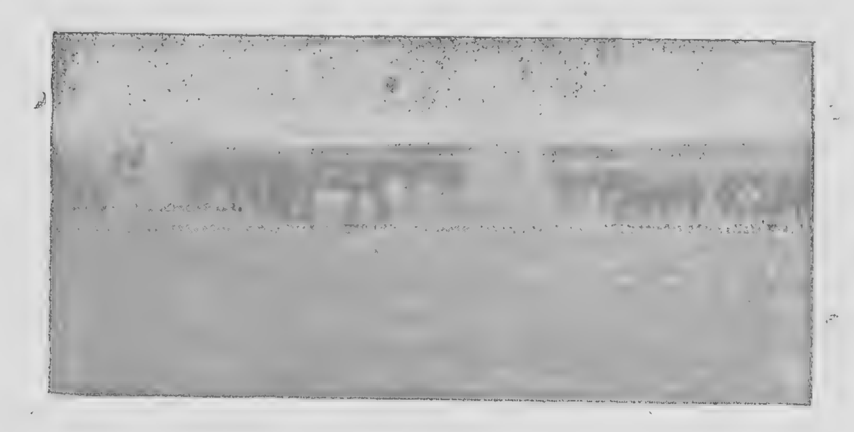
откуда почитал непременным долгом перед родом привести породистого производителя для своего завода. Это было крупное событие для фамилии, и такого коня берегли и холили, как гордость и украшение завода. Многовековой опыт и практика коннозаводчиков создали в Кабарде целую науку о коне и его воспитании, и эту науку родовые традиции коннозаводчиков—адыге свято берегут и передают от отца к сыну.

Попытаюсь в немногих строках нарисовать и представить ту картину и обстановку, в которой находится кабардинская лошадь от рождения до последних дней. Правила хорошего заводчика-коневода твердо требуют, чтобы на одного породистого жеребца-производителя полагалось не больше 10-ти маток. Десяток кобылиц с одним жеребцом это—косяк. В интересах завода лучше всего, если каждый косяк (во избежание драки и серьезных обоюдных ушибов жеребцов) пасется отдельно. Однако, материальные расчеты, дороговизна особого пастуха, вынуждают коннозаводчиков соединять отдельные косяки вместе в целый табун в 100-200, а иногда и больше маток, не считая жеребцов и молодняка. На беременную кобылицу, ходит ли она в табуне, стоит ли на конюшне, заботливый и благоразумный хозяин никогда не позволит сесть в последние месяцы ее беременности, особенно если она высокой крови. Также считается зазорным и нехозяйственным фатовством брать жеребца весной из табуна и пользоваться им, как верховой лошадью.

Молодой жеребенок-сосунок остается около матери год, а иногда и больше. По прошествии года, на весну молодых жеребят-стригунков перед угоном на Золку таврят. Само собой разумеется, что в производители оставлялись лучшие экземпляры—наиболее сильные, рослые и красивые. После таврения табуны лошадей под охраной опытных и вооруженных верховых табунщиков—шибз-ахо и распорядителя—шибз-ахо-лягупеж, двигались на Золку.

Лучшими часами для кормежки считается время от восхода солнца до одиннадцати часов дня. С наступлением жары лошади останавливаются где-либо на возвышении, или на водопое и, повернувшись головой к ветру, стоят пока стоит жара—два-три часа; этот дневной постой на языке табунщиков наз. «бадза-уаба»,

что значит дневной отдых. Вместе с табуном отдыхают и табунщики, которые в эти часы сходят со своих лошадей и дают небольшой отдых и им, а вместе с тем подкрепляются и сами.

Табун на пастбище.

Отстоявшись, кони снова трогаются на пастьбу и так до заката солнца. К этому времени на смену табунщиков—шибз-ахо приходят ночные сторожа-табунщики—пхлери-шхо, два-три человека, которые и остаются с табуном до восхода солнца.

Спят и отдыхают лошади в течение ночи три раза с небольшими перерывами. Первый сон для лошадей наступает в сумерки и продолжается полтора-два часа, второй—в полночь и продолжается час и третий—перед рассветом—тоже не более часа. Обычно для этого кони собираются в кучу и останавливаются—жеребцы по краям, матки и молодняк в середине. Молодые жеребята-сосунки, растянувшись на траве, крепко спят около своих матерей, как малые дети, матки и жеребцы и прочие представители табуна спят, большею частью стоя на ногах, спят чутко и сторожко. Пока кони спят и отдыхают, ночные сторожа—пхлери-шхо—имеют право сойти с коней, и, держа их в поводу, дают им немного попастись и отдохнуть, но как только табун проснулся и тронулся в путь, сторожа садятся на коней и двигаются вместе с табуном, чтобы в ночной темноте не потерять его из виду. И так всю ночь, то верхом на коне, то держа лошадь в поводу,

но все время настороже, все время с винтовкой наготове. С восходом солнца им на смену приходят дневные табунщики—шибз-ахо. За опоздание на час и больше и несвоевременную явку на смену товарищу табунщик платит штраф—теряет жеребенка, или что-нибудь другое из своего заработка...

Но возвращаюсь к дневным табунщикам. Дождавшись смены, шибз-ахо оставляют лошадей под охрану прибывших товарищей, а сами едут на кош к балагану. Здесь они ужинают горячим (обычно суп из молодого барашка) и, расседлав и стреножив коней, оставляют их под охрану ночного сторожа на коше—шитляхо-нхлира, что значит сторож стреноженных лошадей, а сами заваливаются спать. но спят чутко, каждую минуту готовые скакать на первый тревожный выстрел. А опасность всегда висела над головой табунщиков и хозяина, т. к. ночные герои-хищники (не говоря о войнах) никогда не переводились на Северном Кавказе. И во время многократных поездок по территории бывшей Терской Области мне самому пришлось слышать и записать из уст народных певцов и сказателей целые героические поэмы о набегах чеченцев и ингушей на кабардинские табуны.

Уходили табуны с летних пастбищ обычно после крупного и мелкого скота *), иногда недели две спустя, так что нередко их заставал там и снег и мороз. С наступлением зимы лошади, также как баранта и остальной гулевой скот, размещались по зимним кошам-хуторам и становились на сухой корм, переживая сообща одну и ту же тяжелую долю в случае особо долгой зимы и бескормицы.

Суровую школу проходил кабардинский конь прежде чем получал такую почетную кличку. Оставаясь и гуляя, как ветер на воле, в родных табунах, он пользовался в старые годы полной свободой до 4-х, 5-ти лет, а иногда и больше—лет до 7-ми. Но, пользуясь этой, почти первобытной, свободой, он нес на себе и все ее неудобства. Круглый год, во всякую погоду—в дождь, в снег, мятель и мороз—он оставался на открытом воздухе. Делалось это не из за отсутствия любви к животным, а совершенно сознательно,—из желания приучить молодую лошадь ко всем не-

*) В 1922 году табун Мажида Тонашева (жителя селения Коголкино) возвратился с нагорных пастбищ 9-го октября по н. стилю.

взгодам и лишениям; рассуждали при этом так, что если какая лошадь не вынесет искуса и пропадет, то и жалеть ее нечего: воинам нужны крепкие, выносливые лошади, надежные и верные в трудных переходах, а не неженки. Одновременно с вышеназванными невзгодами ее приучают к воде и опасным переправам. Последним и самым трудным экзаменом считались в последние годы переправы через Терек и Кубань. Если лошадь и тут выходила с честью, она приобретала репутацию настоящей, надежной лошади и ее начинали выезжать.

Семен Броневский в своем труде «О кавказских горцах» замечает, что кабардинцы, в видах большей зрелости и крепости лошади, об'езжают ее не раньше, как в пятилетнем возрасте. Природный коневод К. М. по этому поводу говорит, что можно об'езжать лошадь и в семь, и в восемь лет, но тогда у коня не будет той ловкости и гибкости, какую он усваивает, будучи об'езженным в более раннем возрасте. Поэтому он об'езжал своих неуков и в возрасте трех лет, однако не изнуряя их и не препятствуя им в дальнейшем крепнуть и развиваться на пастбищах. Обычно это он делал весной после зимней стоянки, когда лошадь от умеренного, а часто и скудного корма, тощала и слабела и была более податлива.

Такое серьезное и даже опасное дело, как обучение неуков, требовало участия не менее двух здоровых и опытных табунщиков. Один из них длинным, волосяным арканом поймав намеченного трехлетка («кунап», если это был жеребец и «кунажин», если это была кобылка), приближался к нему, хватал его за ухо и крепко держал (карачаевцы для большего удобства даже связывали уши), другой осторожно надевал уздечку и вкладывал удила, а затем, подняв у уха повод, надевал кожаную треногу (тляхо). Лошадь начинала биться, метаться, табунщики, сдерживая аркан, не препятствовали ей. Когда лошадь уставала и, случалось даже, падала, табунщик подходил к ней сзади и, сильно тряхнув ее за хвост, поднимал и приводил ее в себя; после этого лошадь седлали. Вообще укладка седла вещь серьезная и особенно при обучении молодого коня, кости которого еще гибки и не окрепли. Правильная укладка седла—три пальца от передних лопаток, иначе седло будет давить на концы лопаток и лошадь начинает спо-

тыкаться, каковой порок при частом и неумелом седлании может у ней сделаться хроническим.

Оседлав и прикрепив подпругу, шибз-ахо садится, товарищ снимает аркан, и лошадь срывается с места. Она мечется из стороны в сторону, взвивается на дыбы, иногда обнаруживает намерение упасть, чтобы сбросить ездока, но табунщик сидит, по выражению коневодов, «как пришитый», бьет ее треногой и зорко следит за ее намерениями, и особенно за попыткой упасть, и предупреждает их, то умелым поворотом, то ударом треноги, то вздергиванием, то послаблением удил. Когда лошадь притомилась и достаточно узнала седло, удила и повороты, шибз-ахо слезает с нее и водит в поводу.... Хороший табунщик, таким образом, может об'ездить в день до десяти неуков. По окончании таких уроков лошадь купают и отпускают, но через неделю выучку повторяют еще раз и через неделю еще раз—всего три раза, после чего молодого коня-трехлетка отпускают в табун, и он уже считается не просто «кўнан» или «кунажин», но «хаса кунан», или «хаса кунажин», что значит об'езженный трехлеток-жеребец или кобылка. Через год эти уроки повторяются еще раз над четырехлетком («донажин»), но уже, конечно, с меньшими усилиями и риском, и коня опять отпускают в табун на целый год; иногда повторяют и еще раз, и, таким образом, достигают благоприятных результатов, не слишком изнуряя коня и, в то же время, не препятствуя ему крепнуть и развиваться.

К упряжке можно приучать лошадь и в более позднем возрасте—в 6 и 7 лет, сперва в телеге, а затем в арбе; но еще лучше прямо в плуг, где три лошади уже об'езжены и только четвертая—неук; поработав рядом со старыми лошадьми, она скоро и сама привыкает к лямке и хомуту и делается понятливой и послушной лошадью. Высшую репутацию «а л ь п» (искаженное араб). верховая лошадь получала только после какого-нибудь особого испытания: получив редкий приз на скачке, или совершив необычайно трудный переход. Идеальный конь, какой только может создать воображение кавказского горца, это конь легендарного Адемиркана—Жеманшерик, переплывающий Керченский пролив.

Но помимо такой суровой школы, как описанная, был у кабардинцев с незапамятных времен и еще один вид тренировки

лошадей, более интересный и показной, и в то же время менее изнурительный, чем описанные выше—это скачки.

Скачки («шигаже») устраивались по многим поводам. Первые—самые древние по времени происхождения—это «тлям-шигаже», что значит, скачки в честь покойника. Они устраивались в память умершего воина адыге совершеннолетнего, и никогда не устраивались по женщинам или малолетним.

Уже за месяц и больше лошадь ставилась на усиленное питание и получала в достаточном количестве чистое зерно, главным образом просо, каковое считалось коневодами для данного случая особенно полезным. Недели три перед скачками коня держали только на овсе, постепенно тренируя и об'езжая; расстояние все увеличивалось и усложнялось..... Когда лошадь была, по мнению седока, готова, ее отправляли на скачки. На состязания шли жеребцы и кобылы, как дающие потомство, и обычно в возрасте не моложе шести-семи лет. Расстояния брались значительные—20-25, а иногда и больше верст. Призами для таких скачек являлись вещи покойника—его конь, оружие, седло, бурка и другие предметы.

«Фызыше-шигаже»—свадебные скачки; призами на них были шелковые расшитые платки, в большинстве случаев ярких цветов, прикрепляемые к древку на подобие байраков (знамен), кисеты, чехлы для пистолетов и тому подобное.

Третий повод для скачек—день таврения скота; они наз. «домагa-тедзя-шигаже», что значит, скачки в день тавра. Здесь наградой победителю являлись—молодой жеребенок, шелковый расшитый платок на подобие упомянутого байрака. Названные скачки, а вместе с этим и джигитовки были любимейшими развлечениями и празднествами молодежи, на которые она стекалась со всех концов Кабарды на лучших скакунах, не столько привлекаемая призами, сколько славой первого наездника и джигита.

Наконец, с 1889 года устанавливается в Кабарде и еще день скачек,—это скачки в память закрепления за кабардинцами Зольских и горных пастбищ. Эти скачки получили у кабардинцев название «патшах-шигаже», что значит, государственные скачки. Эти последние сперва устраивались в Пятигор-

ске, а затем были перенесены в Нальчик. Правительство давно уже обратило внимание на этот благородный спорт кавказских горцев и в видах поощрения коневодства 1 мая 1856 г. в гор. Владикавказе были устроены первые государственные скачки с призами. Начиная с 1859 г., означенные скачки устраиваются ежегодно в Темир-Хан-Шуре, Ставрополе и в том же Владикавказе. (Влад. Арх. Отд. 1-е, ст. 1-й, связка 7 и послед.).

Расстояния на этих официальных скачках были небольшие —две-три версты, награда победителю—призы в 350, 200, 100 р., выдаваемые из общественных кабардинских сумм. В этих скачках принимали участие и кровные скакуны из Ашабовской и др. конюшен, но главный интерес сосредоточивался, конечно, на кабардинской лошади, так как и собственниками лошадей и ездоками и зрителями были сами кабардинцы. И кто бы ни выигрывал на этих скачках, для дела коневодства это было одинаково полезно, так как побежденный еще упрямее тренировал свою лошадь к следующим скачкам, а победитель делал то же, не желая уступить первенства... Вот те пути и способы, которыми в старые годы создавалась несравненная верховая кабардинская лошадь.

Коневод-кабардинец, видя незнакомого всадника, свободно узнавал по тавру, какой фамилии, какого завода под ним лошадь. Эта осведомленность достигалась путем следующего, на первый взгляд странного обычая, имеющего, однако, под собой разумное хозяйственное основание. Всякий гость, посетив где-либо в дальнем ауле своего кунака, уезжая, почитал своею обязанностью и актом вежливости вырезать на дверях кунацкой *) на память о себе свое родовое тавро, конечно, если таковое было у него. Так как эти обоюдные визиты были постоянны, то двери кунацких обычно от верха до низа были исцарапаны названными таврами. Мне лично удалось видеть и зафотографировать по аулам Кабарды около полдюжины таких старинных кунацких с дверями, покрытыми родовыми таврами (см. фотогр. на сл. стр.). Такие двери нередко существуют несколько поколений и навешиваются в новых кунацких в случаях их перестройки.

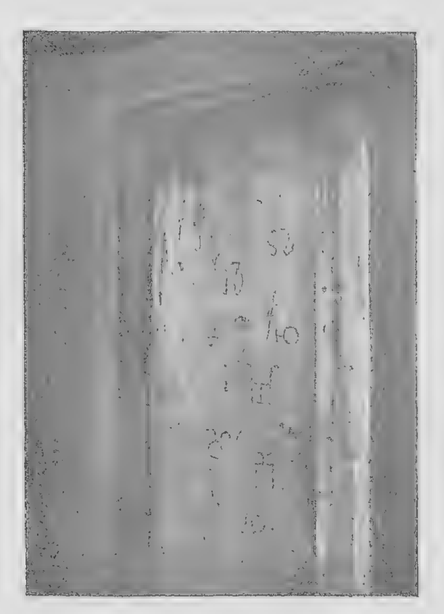
*) Кунацкая—небольшая избушка для гостей в усадьбе зажиточного кабардинца; перед последней войной ее можно было наблюдать и у уорка и у крестьянина, конечно, хозяйственного—зажиточного.

Скрытый смысл этих памяток был таков: «Берегите вы наши тавра, мы будем беречь ваши». Действительно, достаточно было появиться в ауле коню с чужим тавром, как немедленно начинался допрос—что за конь, откуда, как попал, и если хозяин путался и внушал подозрение, коня брал себе в дом уздень или старшина и давал знать хозяину тавра о находке. Так Атажукины на Зеленчуке поступали с беглыми конями тавра

Кунацкая.

Атажукиных же на Баксане, извещая их за сто и больше верст; так поступали и другие впредь до выяснения. Названная услуга была обоюдна. *)

Тавра на дверях.

*) Лично мне удалось наблюдать в сел. Кармово такой случай: у Л. К., где я жил во время моих изысканий, за два года перед этим пропали кони его же тавра. Взрослый сын поехал в Кисловодск и неожиданно увидел на базаре одну из своих лошадей. Потребовал у хозяина свидетельства, тот, конечно, его не имел. Открыто перед собравшимися людьми он пред'явил свои права, как хозяин тавра, и отобрал у незнакомца свою лошадь.

Выше, в главе об овцеводстве, мы уже говорили, какой удар нанесло узденям-скотоводам освобождение крепостных. Еще более эта перемена для них была чувствительна в области коневодства, где требовалось гораздо больше рабочих сил,—то в качестве табунщиков, то ночных сторожей, то вооруженной охраны и т. п. Чтобы сократить рабочие руки, пришлось сокращать количество лошадей, соединять отдельные косяки различного достоинства в один общий табун и т. п. Конечно, такое упрощение понижало расход, но зато понижало и качество лошади. Это качество падало еще и оттого, что теперь уже не было возможности и средств выдерживать жеребцов до четырех и пяти лет: недостаток в средствах и производителях вынуждали коневодов пускать в случку чуть ли не жеребят в полтора-два года, а в три-четыре года холостить их. Знаменитые кабардинские табуны из года в год таяли и быстро вырождались. Такую картину уже тридцать лет тому назад застал автор очерка «Кабардинцы» *Е. Максимов*, современник реформы и той экономической смуты, которую она внесла в патриархальную жизнь кабардинских коневодов.

Причиной такого понижения несравненных качеств кабардинского скакуна и коневодства вообще было не одно только лишение даровой рабочей силы, как об этом замечает тот же автор, но и неотразимый натиск земледелия, в большей выгодности которого кабардинец убеждался год от году, вследствие чего он уже перестал уделять то внимание и заботливость своей лошади, которые он уделял ей раньше.

Однако, упадок этой хозяйственной отрасли у одного сословия, к счастью для дела, еще не знаменовал собою гибели вообще этого промысла в Кабарде. Слишком он был национален. И вот мы видим, что наряду со старинными заводами кабардинских князей и узденей, как грибы после дождя, вырастают во множестве небольшие конские заводы у их же сельчан, бывших табунщиков и даже крепостных. И как раньше каждый уздень почитал непременной гордостью иметь свой табун, так теперь многие сельчане спят и видят, чтобы иметь у себя хоть небольшой, но свой собственный табунок со своим тавром, для своих домашних надобностей. Такой кустарь не имел возможности, а часто и опыта, выращивать в своем маленьком питомнике породистую лошадь, поро-

дистого скакуна, да ему лично он и не был нужен, т. к. скакать на нем он никуда не собирался, и был уже доволен, если тут же у него на глазах вырастала, между прочим, крепкая лошадка, годная и для плуга и для телеги, а когда надо и под седло. И мы видим явление, подмеченное, как я уже сказал выше и многократно упоминаемым *Е. Максимовым*, что по существу кабардинская лошадь не ушла из Кабарды, только переместилось ее местожительство, а именно, из больших узденьских табунов, нередко в тысячу и больше голов, она рассеялась по всем аулам Кабарды в маленькие табунки в пятнадцать и двадцать голов, но, как я уже отметил, качество этой лошади понизилось, и все реже и реже встречались те несравненные скакуны, которые в прошлом создали ей такую легендарную славу.

Русское правительство, давно уже знакомое с отличными качествами кабардинской лошади, которой оно ремонтировало свои кавказские и даже центральные кавалерийские полки, уже в начале XIX ст. всячески старалось поддержать падающее коневодство. Чтобы облегчить расходы коннозаводчиков по воспитанию лошади и не лишить ее прежнего простора, правительство в 1889 году на вечные времена утвердило за кабардинским народом богатейшие Зольские пастбища, а в 1892 году на берегу реки Малки у Ашабовского скотопрогонного брода оно основало так называемые Ашабовские Государственные конюшни. Эти последние имели определенное назначение: путем случки породистых высококровных и кровных английских производителей с местными матками поднять породу вырождающейся кабардинской лошади. Для означенной цели в конюшне стояло не менее сорока, а накануне войны шестьдесят полукровных и кровных английских производителей, как выводных из-за границы так и русского происхождения с различных государственных и частных конных заводов.

Конюшня расположена на левом, высоком берегу Малки, против селения Ашабова, снабжена достаточным пастбищем и занимает площадь усадьбы в 7 десятин с вполне оборудованными конюшнями, денниками и квартирами для штата служащих. Производителями охотно пользовались Терские благоустроенные экономии: Карпушина, Бабкина, Султан-Гирея и других, немецкие колонии: Гнаденбург (близ города Моздока), колония Александровская (около

Владикавказа), колония Николаевская (близ Пятигорска). Результаты получились весьма удовлетворительные, и в несколько лет порода скаковых лошадей в этих пунктах сделалась неузнаваема.

Позднее, и с меньшим доверием, отозвались на этот культурный призыв старые кабардинские коневоды. Первыми такими пионерами были: Абезивнов, Коцев, Наурузов, затем Атажукин и др. Они брали в свои табуны заводских производителей, однако, особого доверия к ним не питали, и лучших своих маток отдавали кабардинским жеребцам. По врожденному недоверию темного человека ко всякому новшеству, особенно если оно сопряжено еще и с расходами, масса кабардинская отнеслась скептически и к этой новой русской затее (вероятно, этому способствовала и неумелая агитация и формальное отношение к делу старых чиновников), вследствие чего целых 15 лет с года основания конюшен не было ни одного случая, чтобы сельчанин взял заводского производителя для своих маток, не смотря на то, что плата за случку была всего 1 руб. 5 коп. Наконец, управляющий пришел к мысли отпустить своему об'ездчику, на первый раз бесплатно, лучшего жеребца на покрытие его матки; это было в 1907 году. Результат оказался блестящим, и когда об'ездчик сменял годового жеребенка-стригунка на пару хороших упряжных быков—эффект был необычайный: стена недоверия рухнула, и кабардинские сельчане охотно стали пользоваться уже за плату заводскими производителями. Это и продолжалось, прогрессируя количественно от года к году, вплоть до последней войны.

В прежнее время, два-три поколения назад, мясо лошади наравне с мясом барашка и рогатого скота употреблялось в пищу, и знатоки уверяют, что оно мало в чем уступает, особенно мясо жеребенка, барашку и теленку. Однако, с повышением цен на лошадь, стали находить этот обычай нехозяйственным, а питание кониной слишком дорогим, и постепенно отвыкли от этого блюда, так что теперь молодые внуки, слушая рассказы стариков о том, как в их время резали и ели жеребят, только иронически улыбаются. Около того же времени и кобылиц усердно доили, а из молока их готовили превосходный кумыс, когда-то любимый напиток кабардинцев.

Но, конечно, главные доходы коневод-кабардинец получал от продажи своих несравненных скакунов, сбыт которым был обеспечен далеко за пределами Кабарды. Охотнее всего их покупали для ремонта и пополнения кавалерийских частей. Эти пополнения продолжались на протяжении всего последнего столетия, вплоть до войны, во время которой из кабардинских табунов были забраны на ремонт кавалерийских полков не только лучшие, но и более или менее сносные экземпляры, чем нанесен был кабардинскому коневодству трудно поправимый удар.

Цены на кабардинских лошадей уже накануне войны стояли высокие: четырех-пяти летний мерин хорошего тавра ценился 90 и 100 рублей, а верховая, молодая лошадь (мерин или кобылица) —120, 140 рублей и выше. До последней войны и революции лошадь с кабардинским тавром на территории Кабарды можно было увидеть в любом ауле у любого хозяина, даже небогатого, так что сельская кабардинская масса почти сплошь довольствовалась и обходилась лошадью своих заводов. Исключения, конечно, были, но сути дела они не меняли, и кабардинская племенная лошадь у адыге была преобладающей.

XII. Пчеловодство.

Пчеловодство известно у адыге, и в частности у кабардинцев, с незапамятных времен. У нас нет данных, как давно оно появилось у них, но есть определенные указания, что на Кавказе пчела и, конечно, в том или ином виде пчеловодство, как промысел, как подсобное средство к существованию, были известны уже в эпоху близкую к христианской эре, что и отмечает в своих анналах *Повзаниус Периэгет* (70 год по Рожд. Христ.)—один из ранних исследователей Черноморского побережья. Сказка про известного у адыге мудреца Айро-Дада и про хромого козла, который занес на пасеку на своей больной ноге, обвязанной берестой искру и, заронив ее, пожег все сапетки *) и пчел, эта сказка говорит, что уже в ранний период черкесы оставили бортническое пчеловодетво и перешли к сапеточному, которое и процветало у них до самого последнего времени.

Сапетки.

*) Сапеткой называется всякое плетеное сооружение, в том числе и плетеный улей.

О давнем знакомстве адыге с пчелой и пчеловодством говорит и название одного из черкесских племен—«бжедухи», что значит пчеловоды; на эту связь племенного названия с главным промыслом народа уже почти сто лет тому назад обратил внимание и швейцарский ученый Dubois du Mant Pépeux в своем большом труде о черкесах и Кавказе. Начальники отдельных частей начала прошлого столетия, возвращаясь из своих рекогносцировок по Кабарде, отмечали большую наличность у адыге по аулам сапеточных пасек. В том же духе говорит и *Семен Броневский*, автор сочинения «О черкесах». В перечне предметов, которыми торговали кабардинцы с русскими он, между прочим, называет воск и мед. О больших размерах пчеловодства и о любви кабардинцев к этому промыслу согласно подтверждают и старики-кабардинцы.

Пчеловодство в Кабарде, как и скотоводство, всегда было и остается кочевым. При существующей культуре и системе этот вид пчеловодства есть единственное средство из года в год сохранить пасеку и получить от нее пользу. В противном случае с быстрым наступлением жары, когда на плоскости все вянет и засыхает, пчела остается совершенно без взятка. В видах экономии и удобства дела пчеловоды обычно организовались в артели в 800 и 1000 сапеток. Общими средствами нанимался старый опытный пчеляк. Его нормальным летним заработком с начала мая по сентябрь месяц была плата, при готовых харчах и платье, с пасеки 50-100 сапеток по пуду меда и рой «вторак» вместе с хозяйской сапеткой. Этот «вторак» в благоприятный год, обычно, сам превращался в хорошую семью и успевал дать новый рой, который и оставался на завод пчеляку; сам же «вторак» при роебойной системе пчел шел на уничтожение, а его запас, примерно около пуда, забирал пчеляк. Итого в хороший год летний сторож-пчеляк за свой труд получал, при хозяйских харчах и платье, не менее 15 пудов меду от пайщиков, да пудов около 10 от своих «втораков»—итого 25 пудов, или 120-130 рублей деньгами, да около десятка молодых семей на завод.

Постоянным летним местопребыванием пасек была Золка, куда пчеловоды и выступали несколько ранее баранты (числа 10 мая). Причиной такой поспешности был расчет перевести пчелу раньше, чем

она успела заложить новую, нежную вощину, которая в дороге от толчков и тряски могла изломаться и испортить всю работу пчел. Выбирали удобное место недалеко от воды (не на берегу) и в то же время защищенное от ветра, и расстанавливали ульи обычно в четыре ряда так, что пчеляк, ходя по главному, всегда видит работу и состояние пчел каждой сапетки. При чрезвычайно большом взятке, чем всегда отличалась Золкинская степь, роение начиналось быстрое и дружное. При таком положении пасеки, конечно, пчеляк никогда не мог бы управиться, почему пчеловоды-хозяева первый месяц по прибытии на Золку обычно остаются при своих пчелах, и каждый следит за своей пасекой. По окончании ройбы хозяева возвращаются во-свояси, а пчеляк на все лето остается при пчелах. Для облегчения его работы и для мелких услуг артель нанимает ему подростка, которому назначает плату (конечно, уменьшенную), смотря по возрасту и работе.

День первого роя «пашшуготхатво»—праздник для пчеловодов, и они обычно отмечают это хорошим обедом и обильным возлиянием. Но главный праздник для пчеловодов—это сбор урожая по благополучном возвращении с Золки; пчеловоды, отсчитав нужное количество сапеток на завод и вынув мед из остальных сапеток, резали двух-трех барашков, пекли разные пироги и устраивали угощение соседям и родичам. Но главными посетителями этого исключительного праздника являлись дети—тут уж они наедались меду досыта—до отвала. Сюда же являлся с поздравлением и с аракой или с бузой и пчеляк-сторож и, если сбор меда был незаурядный, то он непременно получал добавочное, сверх условленного—полпуда, а иногда и пуд меду; такая надбавка при хорошем годе была обычным явлением и составляла приличное добавление к его летнему заработку.

В хорошее лето сапетка дает около 30-40 фунтов чистого меду. При роебойной системе, каковая до самого последнего времени была преобладающей, каждый хозяин, для сбора меда подкуривая 70-80 сапеток, получал 60-70 пудов меду. Считая мед по довоенному времени 5 рублей пуд, в среднем, пчеловод получал в лето от своих пчел 400-500 рублей.

XIII. Оседлость и земледелие.

Выше мы уже говорили о давности поселения черкесов и зихов (предков адыге) на их теперешних местах. Судя по историческим и археологическим данным, эти поселения уже за много веков до христианской эры имели тесную связь сперва с отдельными греческими колониями на побережьи Черного моря, а затем вошли в состав и сферу влияния Босфорского царства, состоявшего по прибрежным городам тоже в значительной степени из греков-колонистов. Эти последние вели со своей метрополией деятельную и оживленную морскую торговлю хлебом и другими продуктами. У нас есть определенные данные и о размерах этой торговли и о характере ее. *Демосфен*, знаменитый оратор и политический деятель Греции, говоря о заслугах Босфорского царя Левкона перед Афинами, отмечает такой факт: Левкон отдал два приказа о торговле с эллинами: 1) о беспошлинном ввозе хлеба в Афины и 2) о погрузке в первую очередь судов, идущих в названный город с продуктами. Благодаря таким льготам, Афины каждый год беспрепятственно получали из Босфора, т. е. с Черноморского побережья, около 300.000 медимнов хлеба, что составляет на наш вес 600.000 пудов. Этот исторический факт говорит, как о древности культуры хлебов на землях, занятых адыге и их предками, так и о размерах ее.

Легенды, собранные среди жителей нынешнего Таманского полуострова несколько позже, по словам грека *Стефана Византийского*, говорят, что земледелие повелось на указанных местах с незапамятных времен, что сам Озирис, славный бог египтян, первый вспахал плугом землю около устья Кубани и засеял ее, положив начало земледелию в этих местах. Такова, по преданиям, древность земледельческой культуры на берегах Черного моря и Кубани, прежней родины адыге. Эти сведения дают основания думать, что и сами адыге, как способный и наблюдательный народ, давно уже ознакомились с названной культурой и, как народ скотоводческий по преимуществу, занимались земледелием в меру возможности и надобности.

Каким способом происходила обработка поля в глубокую доисторическую древность, указаний не имеется. Можно думать, что тот деревянный, ныне покинутый кабардинцами плуг—«пхаша» (простой деревянный сук), который и по сие время еще держится в глухих горских захолустьях и по ту сторону хребта в Армении и Грузии,— можно думать, что этот вид рала и являлся наиболее древним, которому по законам эволюции, несомненно, предшествовало что-нибудь еще более простое и примитивное—или мотыга, как у негров Африки, или простая палка.

Потребление хлебных злаков, а вместе с тем и хлеба в эту глубокую доисторическую эпоху было, конечно, самое ограниченное,—за это говорят те каменные мельнички-ступки, которые время от времени попадаются в могильниках и курганах Терской Области и в частности Кабарды (см. стр. 16). Но уже в исторический период на Северном Кавказе знали ручную мельничку, маленький жернов, не больше аршина в диаметре, которой приводился в движение руками жен, а больше руками рабов и рабынь.

Ручная мельничка.

На такой мельничке, при самой интенсивной работе, по заявлению самих же кабардинцев, больше не смелешь, как 1-2 пуда в сутки.

На смену ручной мельничке явилась примитивная водяная. Эта архаическая мельничка крайне несовершенна и иногда до смешного мала, но все же она гораздо успешнее ручной и приготовляет до 15-ти пудов муки в сутки. Указанные мельнички и до сего времени очень распространены по горным захолустьям Кавказа—в Кабарде, Ингушетии, Осетии и др. местах, и на быстрых маловодных потоках успешно конкурируют с большими наливными и подливными мельницами о трех и четырех поставах, которые появились здесь с приходом русских.

Общий вид мельницы.

Водяные колеса.

Один из ранних наблюдателей черкесского быта, говоря о земледелии у адыге, замечает, что они пашут землю плугом, на подобие украинского, в который впрягают по нескольку пар быков. Очевидно, автор имел в виду западных черкесов, которые усвоили этот прием пахоты от Черноморских казаков, лет за тридцать перед этим переселившихся на берега Кубани,—что касается земледелия в Кабарде, то другой ранний наблюдатель адыге, и кабардинцев в частности, уроженец Черноморского войска *Иван*

Попко, в своем добросовестном труде «Терские казаки» говорит о земледелии кабардинцев так: «кабардинцы народ земледельческий, они работают легким плугом, пашут мелко, тонкими пластами, с геометрической правильностью линий, зерно сеют близко к солнечному лучу и атмосферическому воздуху».

Накануне прихода русских и первых годов совместного (вернее соседского) сожительства, земледелие и размеры его в Кабарде были весьма невелики. Плуг, по единодушному сказанию стариков, имелся далеко не у всех сельчан; его собственником, обычно, являлся уорк (помещик), которому и платили за пользование плугом посезонно по договору. Запаханное поле делили пропорционально едокам. Нередко, как сообщают старожилы, случалось и так, что у крестьянина был плуг, но не было быков—тогда пахали на коммунальных началах: один давал плуг, другой быков, третий быков и сам работал. Запашку делили пропорционально вложенным силам и имуществу: напр., плуг по стоимости равнялся сезонной работе быка или человека и т. д.; но это было уже давно, еще в эпоху крепостного права и близкие за освобождением годы. Теперь такой прием обработки земли вывелся, но сохранился еще термин, означающий такую запашку: этот термин «дзей», что значит—товарищество по плугу—супряга.

Не могу обойти молчанием один хороший обычай, крепко державшийся в старой Кабарде до самого последнего времени. Привожу рассказ о нем дословно, как помещен он на страницах местной печати одним бывалым кабардинцем *).

«Бывало, что сев уже кончился, а 5-6 дворов, постигнутых каким-либо несчастьем, еще ничего не вспахали. Тогда никто не позволял себе вернуться домой, не закончив предварительно пахоты у этих бедняков. Все люди оставались 2-3 дня лишних в степи, чтобы войти затем в селение всем пахарям вместе. Да селение и не впустило бы ни одного пахаря домой, если бы знало, что остались еще не вспаханы полоски бедняков. В степи действовала в таких случаях почти военная организация со строгой дисциплиной. Избирался руководитель полевых работ «тамада» с помощником. В их распоряжение давались конные милиционеры.

*) Заракут Мидов. „Хороший обычай“. „Красная Кабарда“, год 1923-й. № 240.

Нарушители распоряжений «тамады» строго карались вплоть до привязывания голого ослушника к колесу арбы. Зато по окончании сева совершалось торжественное вступление в свой аул «вакоки-хак-барак», нечто вроде веселого карнавала. Входили с песнями, а в более давнюю старину наряжались в маски, изображавшие разных зверей. В ауле окончивших свой труд пахарей ждал ряд праздников, продолжавшихся три дня. Из числа всевозможных обычаев, выполнявшихся в эти дни, хорошо я помню следующий: у дома самой красивой девушки устраивалась вышка с повешенными на ней изображениями индюка, цыплят и т. п. Лучшие стрелки состязались в стрельбе в эту мишень. Счастливые получали награду, а неудачники платили разные штрафы, увеличивавшие общее веселье этого весеннего праздника, ведущего, несомненно, свое начало вместе с песнями и всем ритуалом от древнейших языческих времен адыгейской истории».

При уборке хлеба классический серп и коса были распространены повсеместно. Во время жатвы и сенокоса, как говорит *С. Броневский*, князья раз'езжали по полям конно-вооруженные для наблюдения за сельскими работами и для прикрытия работников от возможных вражеских набегов и жили месяца по два в летних лагерях (кошах) со всей воинской осторожностью. Несложна и упрощена была и молотьба. Она производилась, по словам того же наблюдателя Кабарды, так: «молотят хлеб балбами, т. е. топчут и перетирают колосья посредством лошадей или быков, впряженных в особую доску *), на которую наваливают тяжесть, как в Грузии и Шерване». К описанному прибавлю, что такой способ обработки зерна можно увидеть по глухим уголкам Кабарды, Осетии и Ингушетии и по сие время. К этому несложному перетирающему и обмолачивающему аппарату лет 30-40 тому назад еще прибавился каменный каток, заимствованный у казаков, который наряду с современной молотилкой удержался до настоящего дня. Вот тот несложный земледельческий и хозяйственный инвентарь, который, можно думать, с теми или иными видоизменениями и улучшениями служил кабардинцу многие поколения и века, да

*) В нижней поверхности доски сделан ряд прорезов, в которые вставлены осколки кремня; позже кремень заменился железными пластинками на подобие зубьев молотилки, только более тонкими.

служит еще и теперь, не смотря на то, что и косилка и паровая молотилка с революции 1905 г. все настойчивее и глубже проникают в кабардинский хозяйственный уклад и все больше находят к себе доверие.

Судя по отзывам древних, просо с незапамятных времен являлось наиболее распространенным из хлебных злаков на Кавказе. Таковым же оно являлось и в средине прошлого века. Это подтверждает и старинный анекдот такого характера: «что есть основа жизни?» спросил однажды народного кабардинского певца-поэта ученый мусульманский улем (богослов-проповедник). «Просо»—не моргнув глазом, ответил ему находчивый поэт. Что это было действительно так, это подтверждается и древним адыгейским приветствием, которое и поныне кабардинец говорит, застав хозяина за трапезой—«соль и паста», *) вместо русского «хлеб-соль». Просо, как первенствующий хлебный злак у адыге, отмечают и русские наблюдатели и исследователи края. *А. С. Пушкин* в своей ранней поэме „Кавказский пленник", говоря сначала о скудной трапезе горца, пишет: «Черкес огонь развел, пшено сварил»... И не раз уже упоминаемый нами *С. Броневский*, перечисляя культурные хлебные злаки у кабардинцев в начале прошлого столетия, пишет: „Больше всех хлебов сеют просо, потом турецкую пшеничку (кукурузу), яровую пшеницу, полбу, ячмень". Первенствующее значение просо удержало вплоть до начала девяностых годов, что видно из очерка *Е. Максимова* «Кабардинцы» (см. этот очерк в «Терском сборнике» на 1892 год).

Что же касается кукурузы, то *С. Броневский* не совсем прав, говоря о возделывании этого злака среди черкесов. Он, вероятно, или слышал о нем, или наблюдал его среди западных адыге; что же касается кабардинцев, то здесь она появилась много позднее и в разных местах в разное время, и в первые годы в очень ограниченных размерах. Например, в селении Джанхотово (ныне Псыхансу) она появилась ровно 60 лет назад, и еще жив сам пионер ее и распространитель—Х., который с гордостью рассказывает молодежи, что он в Осетии выменял три барана на меру кукурузы и разделил ее пригоршнями между своими односельчанами, и с той поры джанхо-

*) „Паста"—просяная желтая каша.

товцы начали возделывать у себя этот с'едобный и урожайный злак. В Кайсын-Анзорово (ныне Стар. Лескен) она занесена из Чечни, путем обмена пленных чеченцев на кукурузное зерно, примерно, около этого же времени.

Так распространилась кукуруза по всей Кабарде под странным именем «нартух», что значит пшеница нартов. *) Эти сообщения и наблюдения подтверждаются и историческими данными, имеющимися в архиве Терской областной чертежной. Здесь в докладе «Комиссии Кабардинского отделения по правам личным и поземельным туземного населения Терск. Обл.» от 29-го января 1868 г. за № 7, под председательством Нурида, мы находим такие строки: „Из культур сеют главным образом просо. Разведение пшеницы составляет в Кабарде самое недавнее нововведение и потому еще не многими принято. Что же касается других сельских произрастаний, свойственных Кабардинской почве, как то примерно: ржи, гречихи, овса, ячменя, конопли, льна и т. п., то пока они кабардинцам неизвестны. Кукуруза разводится в Кабарде, как огородная овощь. Между кабардинцами установилось понятие, что земля, не производящая дорогого им проса и не дающая хороших сенокосов,—непременно негодная“.

Не так давно, по рассказам стариков, появилась и распространилась в Кабарде и пшеница, почти одновременно с кукурузой, сперва в Малой Кабарде, затем в Большой и по предгорьям. Что касается полбы, которая стоит у *С. Броневского* на 4-м месте, то ее давность для Кабарды мы поставили бы на втором месте. По крайней мере, во всех аулах, где мне приходилось бывать, на все мои вопросы, какой хлеб, какое зерно у них древнее всего, мне неизменно отвечали—просо, и затем «гаше», но, что такое «гаше», об'яснить на словах не могли, сами же сеять его давно перестали. После долгих розысков удалось установить, что «гаше» просто наша полба. В старые годы полба была широко распространена по Кабарде, начиная с плоскости и кончая предгорьями,

---

*) Один газетный сотрудник, говоря о хлебных злаках Сев. Кавказа, на этом основании решил, что кукуруза известна Кавказским горцам со времени мифических нартов. Это недоразумение—кукуруза (маис) появилась в Европе лишь со времен открытия Колумбом Америки, после 1492 года.

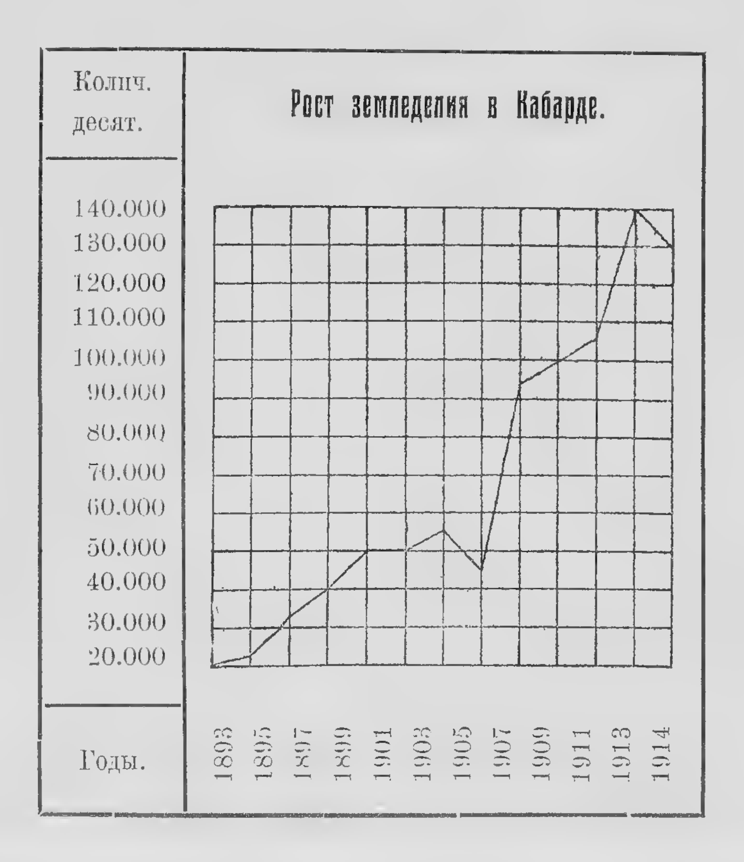
и давала верные урожаи, иногда пудов 100 и больше на одну хозяйственную десятину. По словам старожилов, она по предгорьям отлично выдерживала и весенние утренники и даже осенние заморозки, чего там не могла вынести русская пшеница, и пропадала каждый раз, вводя в убытки и непроизводительные расходы добросовестного и заботливого кабардинского землероба. Вытесненная пшеницей, которая, однако, не могла во всем заменить ее, она (полба) местами вновь начинает возрождаться.

Из прошлого мы видим, как давно уже земледелие известно кабардинцам. Не смотря на это, мы не замечаем, чтобы размеры и культура его сделали большие успехи; способ же и приемы обработки земли здесь до самого последнего времени оставались самыми первобытными. Этому было много причин. Во-первых, большие запасы удобной земли, исключающие необходимость ломать голову над усовершенствованием приемов обработки почвы; во-вторых, отсутствие свободного капитала, необходимого для всякой серьезной реформы; в-третьих, дешевизна продуктов, не всегда окупающих и те минимальные расходы, которые затрачивались на их выращивание, а также и другие причины. Явное дело, при таких условиях, землероб будет придерживаться той системы земледелия, которая требует от него минимум затраты материальных и интеллектуальных сил. А таковой системой, при наличности большого запаса земельных угодий, являлась и является система переложно-залежная. При указанном ведении хозяйства, как известно, участок земли, отведенный под пахоть (вап'аха); эксплоатируется 6—8, иногда 12 лет; затем, когда замечают, что почва истощена, ее забрасывают и переходят на другой клин. Заброшенное поле (пхаошебга), отдохнув лет 8 или 10, набирается сил и вновь поступает под пахоту до нового истощения. Такой способ обработки, конечно, возможен только в областях с большими запасами удобной земли, что мы здесь и наблюдаем. Эту систему земледелия *Е. Максимов* и отмечает 30 лет тому назад в своем очерке «Кабардинцы», как господствующую.

С тех пор многое изменилось: увеличение народонаселения, рост цен на сельские продукты, удобство сбыта (наличность железно-дорожной линии) и большая выгодность культуры хлебов заставили обратить серьезное внимание на эту отрасль сельского

хозяйства и, в первую очередь, площадь посевов начинает быстро расти, сокращая площадь залежей, каковые питали эту систему. И, конечно, недалеко то время, когда кабардинцы навсегда распрощаются с этим архаичным способом обработки земли и перейдут на более интенсивную систему, где, во всяком случае, находилась бы в обороте большая площадь земли, нежели при системе переложно-залежной.

Теперь поглядим, какую эволюцию пережило это молодое дело уже после очерка и краткого итога *Е. Максимова*. Берем последние 20 лет, предшествующие мировой войне и революции, начиная с 1893 года. В этом году запашка составляла довольно скромную величину в 23,000 дес., а рост земледелия ясно виден из настоящей диаграммы.

За 20-ти летний период пахатная площадь в Кабарде увеличивается более чем в 6 раз, пережив несколько заминок и достигнув к началу европейской войны 140.000 дес.

Изучая цифровые данные о культуре различных злаков в Кабарде за означенные годы, мы замечаем, что в указанном поступательном движении хлебопашества не все виды его в количественном отношении росли одинаково равномерно.

С. Броневский в своем труде о Кавказских горцах, в главе о земледелии кабардинцев, об озимых хлебах у них даже не упоминает. Ничего об этом не говорит и уже упомянутая мною выше комиссия *Нурида*, а в конце 80-х годов знакомый нам по прошлым страницам *Е. Максимов* отмечает, что сбор озимых хлебов в Кабарде равняется уже пятой части всех собираемых злаков или 19%, а в 1914 г. озимые составляют уже 38% всей обрабатываемой площади. Тут явно чувствуется влияние русских землеробов, у которых озимые хлеба занимают видное место в сельском хозяйстве. Практичный кабардинец не мог не заметить очевидных достоинств этого приема, т. к., засевая злаки под зиму, хозяин растягивает работу и страхует себя на случай неурожая—не уродит яровое, так уродит озимое.

Однако, яровые все еще являются преобладающими, хотя картина и в этой области претерпела существенное изменение. Свидетельством сего являются цифровые данные, которые говорят, что просо занимало в 1893 г. по площади запашки первое место или 48%; на втором месте (27%) стояла пшеница; на третьем месте—кукуруза—16,52%. Через 20 лет, в 1914 г., мы видим уже иную картину. Теперь в ряду других злаков по занимаемой площади *на первом месте стоит кукуруза, которая в 60 г.г. (прошл. ст.) была известна только, как огородное растение*,—она занимает 28%. Пшеница остается на 2-м месте. На третьем стоит ячмень, площадь которого в общей массе запаханной земли поднялась с 4% до 22%, а просо с 1-го места передвинулось на 4-ое, упав с 48% до 17% в общей массе пахотной площади.

Выгодность культуры пшеницы, легкий сбыт и высокие цены сделали то, что в какие-нибудь 30 лет она завоевала в хозяйственном быту прочное положение и заняла второе место в ряду других злаков; однако, постоянный риск с этой культурой убе-

дил кабардинского землероба не слишком полагаться на этот хлеб; поэтому он за целых 20 лет количественно не продвинулся вперед, а остался на том же втором месте. Первое же место заняла кукуруза, высокая урожайность которой пред всеми другими злаками и относительная неприхотливость показали кабардинцу всю выгодность возделывания этого нового хлеба.

Но любопытнее и интереснее всего то, что в течение указанного периода происходит рост земледелия не только количественный, но и качественный, т. е. повышается продуктивность и интенсивность и в самом земледелии. Так. по исследованию *Е. Максимова* о состоянии земледелия в Кабарде за 80-ые годы, мы видим, что в конце этого десятилетия средняя урожайность злаков за 4 года такова: проса *сам—7*, кукурузы *сам—14*, пшеницы *сам—4*, ячменя *сам—5,5*. Цифры за 11 лет, предшествующих войне, показывают, что после 20-летнего периода урожайность всех злаков возросла, особенно проса и кукурузы—первое с *7* до *18* и второе с *14* до *24*; также повысилась урожайность пшеницы и ячменя. Приводя эти последние данные, следует заметить, что в данном случае мы наблюдаем не столько повышение абсолютной урожайности, сколько, главным образом, большую экономию зерна при посеве, чего в первое время не наблюдалось у начинающих кабардинских землеробов, но что в конечном итоге увеличивает и повышает хозяйственное «сам». Однако и общий рост урожаев несомненен.

XIV. Огородничество и садоводство.

Огородничество появилось в Кабарде одновременно с садоводством, и пионерами и культуртрегерами его были все те же русские гарнизонные солдаты, отбывавшие свою службу в крепостях—Нальчик, Баксан и пр., разбросанных по Кабарде. Выйдя в отставку и поселившись слободками и форштадтами под стенами крепости, они на свободе еще с большим успехом продолжали свое доброе дело, являясь живым примером для окружающих старожилов. Старики-кабардинцы знают это и помнят, и с признательностью отзываются о своих первых учителях в огородничестве и садоводстве—отставных крепостных солдатах.... Так житель сел. Кармово—уже известный нам по предыдущим главам П. К.—на мой вопрос, как давно появилось у них это дело, не стесняясь и не скрывая правды, сказал, что они, кармовцы, до прихода русских не знали огородов и научились возделывать овощи и, главным образом, картофель от солдат, которые жили в их крепости. Крепость эта называлась «Каменномостной», следы ее сохранились

Остатки Каменномостной крепости.

там и по сие время. Насколько глубоко успела крепость войти в быт местных кабардинцев, тому достаточным показателем является то, что когда после революции все аулы, носившие название обычно по фамилии своего бывш. князя, были переименованы, Кормово было переименовано в Каменномостное.

Культура огородничества распространилась по всей Кабарде, но на первых порах медленно, так что издатель «Терского обл. календаря» в отчете своем за 1890 г. об огородничестве всей области обмолвился такой пессимистической фразой: «садоводство и огородничество за единоличным исключением не обращает на себя серьезного внимания жителей и не имеет поэтому в экономике области существенного значения». Восемь лет спустя, издатель «Терского обл. календаря» в отчете за 1898 г. уже смотрит на культуру огорода в области более отрадно, высказывая такую фразу: «огородничество занимает в Терской области более видное место, чем фруктовое садоводство. В более степных—бахчи, в дождливых и прохладных местах—столовая овощь и зелень. В последнее время заметно промышленное огородничество». В 1893 г. в «Терском Областном Ежегоднике» заводится особая глава о культуре огорода в области с отдельной статистической таблицей и с особой строкой для Кабарды (Нальчикский округ). Так этот отдел и сохранялся вплоть до самого последнего выпуска... Однако, целых 7—8 лет названный промысел был в каком-то летаргическом состоянии и в нем не замечалось ни особого движения, не замечалось и упадка, и только с 1900 г. он как-то сразу становится на ноги и, хотя медленно, но безостановочно растет вплоть до революции, и площадь огородов за 14 лет увеличивается в два раза.

Приемы обработки и культура огородных растений ничем не отличаются от обработки в русских станицах и хуторах—разве еще большей небрежностью и халатностью. Этим, и ничем иным, только и можно об'яснить невысокую урожайность такого в общем неприхотливого и хозяйственного растения, как картофель, цифры урожайности которого за те же 11 лет дают такую картину. Самая высокая урожайность в 1908 г. *сам—6,4* затем *сам—6,0* в 1904 г., остальные годы еще ниже, а 1907 и 1913 г. *сам—2,5 и 2,9*. Сред-

няя урожайность немного выше 4,5. Это даже ниже средней урожайности озимых и яровых злаков—овсов и ячменей—в той же Кабарде, не говоря уже об урожайности того же картофеля в других районах бывшей Терской области.

Садоводство как промысел, как подсобное занятие имело в Кабарде вплоть до войны и революции и непродолжительную историю и, сравнительно, небольшое значение. Прошлое этого промысла насчитывает за собою в Кабарде не более 50-70-ти лет; так же как огородничество, оно (садоводство) занесено сюда русскими колонистами—отставными солдатами. Эти ветераны, отслужив срок службы на Кабардинской территории и по другим частям Северного Кавказа и Закавказья, часто обремененные большими семьями, которые в видах колонизации первое время (например, при Ермолове) даже выписывались для них из центральной России, настолько свыкались с его климатом и условиями жизни, что уже не хотели возвращаться домой и, поселившись под стенами оставленных крепостей, положили начало целому ряду поселков и слободок с русским населением, о которых я уже говорил в этой главе. Привыкнув дома, особенно малороссы, к вкусным плодам и фруктам и тенистому саду, они, конечно, сразу учли удобство климата и почвы и, зажив собственным домком, постарались окружить себя и отечественными удобствами, и в Кабарде появился сад, а в саду вишни, яблоки, груши, сливы и другие плодовые деревья. Культурная немецкая колония, появившаяся в этих краях вскоре по основании названных крепостей, увеличила здесь количество культуртрегеров и культурных рассадников. Но сами кабардинцы, ведя полукочевой образ жизни, долго оставались глухи к этому хорошему делу и, охотно потребляя русские фрукты и овощи, у себя дома не заводили садов. Только лет 20 тому назад, наконец и кабардинцы стали понемногу подражать в этом деле русским и немецким колонистам. Одним из первых на это отозвалось сел. Ашабово на реке Малке, благодаря близости с Ашабовскими конюшнями, где имелся большой фруктовый сад, и теперь Ашабовские сады являются образцом и примером для других кабардинских аулов, где также понемногу налаживается это дело, но, надо сказать, первое время налаживается медленно и туго. Однако, время взяло свое, и ныне можно увидеть

сады не только на плоскости, но даже в таком селении, как Кармово, где пионером его явился Астимир Х., долго живший на Золке в одном культурном имении. Порядочно развито садоводство в аулах Ст. Черек, Аргудан, Урванское и особенно в с. Жемтала (Верх. Кожоково) и Куркужинское (Коново) с ранними и поздними сортами яблок и груш, но количественный и качественный рост их, скажу еще раз, идет очень медленно, не хватает знания, и центром тяжести для садоводства в Кабарде по прежнему являются русские слободы и немецкие колонии—Нальчик, Баксан, кол. Гнаденбург, Александровская и др.

XV. Промыслы.

Бурочное производство. Когда-то бурочное производство процветало в Кабарде и являлось здесь, до некоторой степени, национальным ремеслом, в котором кабардинцы достигли большого искусства, так что название «кабардинская бурка» являлось в значительной степени гарантией прочности и красоты этого своеобразного горского одеяния. Бурка—непременная принадлежность кабардинца старого времени; четыре предмета, без которых горец былых времен не представлял себе настоящего джигита, это—конь, винтовка, кинжал и бурка. Бурка в походе незаменимая вещь: она от дождя превосходный непромокаемый плащ, покров от летнего зноя, защита от холодного ветра; ночью в степи на походе она—постель и одеяло. Свернутая за ненадобностью в небольшой валик, она занимает за седлом очень скромное место, к удовольствию и всадника и походного коня. Вот почему на нее в то боевое тревожное время был такой сильный спрос и среди горцев и среди казаков, не только «линейных», но и «тихого Дона». Но для пешехода, особенно в сырую погоду—она уже обуза. Она болтается, как длинная несуразная юбка, путается между ног, пачкается в грязи.... Еще неудобнее она в хозяйстве, по домашности и на работе в степи. Здесь она только мешает своей длиной, своими полами, которые лезут под ноги, грязнятся и мешают в работе.... Короче—для мирного домоседа, каким теперь делается кабардинец, да и всякий горец, ее достоинства не так уж велики, почему этот промысел все падает и падает, как в самой Кабарде, так и по другим районам Северного Кавказа.

Бурочный промысел тесно связан с овцеводством и избытком шерсти. Вот почему он и облюбовал себе место здесь с незапамятных времен. *Маркграф*, сорок лет тому назад впервые обследовавший состояние бурочного производства в Кабарде, отмечает, что здесь бурки умеют делать и делают в каждом ауле, однако, селение Атажукино, Куденетово и Тамбиево по количеству производства шли впереди прочих кабардинских поселений.

Поделка бурки не большая тайна, но требует много времени и усидчивости. Для бурки предпочитается шерсть черного цвета

и осенней стрижки,—черная потому, что на нее нужно меньше красящих веществ. Изредка готовят бурки и белого цвета—из белой шерсти, но только для богатых и по особому заказу. Шерсть, предназначенная для бурки, предварительно моется в горячей воде и с мылом,—в противном случае она будет отдавать потом овцы; еще лучше, если представляется возможность вымыть шерсть в щелочном, горячем источнике. Просушив шерсть, приступают к ее сортировке. Обычно это производят женщины и дети в длинные осенние и зимние вечера. Шерсть раздергивают, отделяя длинную жесткую косицу от мягкого подшерстка, а затем расчесывают на особом гребне с длинными зубьями.

Зубья для расчески шерсти

После всего следует третья, последняя, стадия сортировки—разбивка лучком. Лучок—это тонкая хворостина четвертей 5 длины, полусогнутая шнурком (на подобие детского лука, только побольше). Пучок шерсти кладут на прутяную решетку, над ним, под небольшим углом, придерживая лучок левой рукой, правой бьют по струне, вернее, эластично дергают ее, струна дрожит, бьет по клочку шерсти и разбивает его на ровные, нежные, как хлопья, волны. При этом третьем, последнем, процессе оставшиеся тяжелые косицы отлетают в сторону, пыль просыпается под решетку, а пух и чистый подшерсток, наиболее ценный для изготовления бурки, остается на решетке.

Изготовление бурок происходит весной или осенью и делается таким образом: на циновку осторожно и равномерно трехугольником укладывают слой мягкой шерсти, обрызгивают ее водой и таким же порядком на первый мягкий слой пуха укладывают слой косицы, затем сворачивают шерсть в трубку и катают ее взад и

вперед. Для катанья требуется не меньше 4 женщин; если в доме такого количества их не имеется, приглашаются соседки, которым при надобности отплачивают такой же работой. Укатываются бурки ритмическими движениями, во время которых поются песни, сложенные только для этого случая. После уваливания бурку моют в щелочной воде, а после просушки еще и в чистой, и мнут ногами на плетенке; засим верхнюю мохнатую часть начесывают бурочной щеткой, а нижную пуховую опаливают на легком огне для уничтожения отдельно торчащих шерстинок. После этого бурку кроят, т. е. подгоняют по росту, и бурка вчерне готова. Обычно в таком виде их и продают перекупщикам, и уже эти последние отделывают их, т. е. обшивают ворот (на лучших экземплярах галуном), подшивают снизу вершков на восемь легкую подкладку под плечи и ниже, обычно кумачовую или сатиновую, прикрепляют кожаные застежки, и бурка идет в продажу. Процесс изготовления бурки довольно медленный, на изготовление хорошей бурки требуется времени не менее месяца. Одна семья может приготовить в зиму до 15 бурок, а всего в Кабарде фабриковалось в былые года (20—30 л. тому назад) около *6000—7000 бурок* в год.

Из испорченных или поношенных бурок, а также из обрезков, приготовляют чехлы для ружей, теплые мягкие голенища для наговиц и проч. хозяйственную мелочь.

Суконное производство. Наряду с бурочным производством когда-то процветало сукноделание. *Пейсонель* (французский консул в Крыму во 2-й половине XVIII в.), говоря о торговле черкесов с Крымом, замечает, что черкесы на заказ приготовляют белое сукно столь высокого качества, что он принял материю за французскую ткань и, по его словам, ему стоило большого труда убедить себя, что в этой стране можно найти шерсть, пригодную для производства столь хороших сукон. Теперь ткани такого качества мы увидим редко, в Кабарде и по ее аулам работают сукна преимущественно черные, грубые, непрочные. Ныне этот промысел распространен по всей области, но сосредоточие его, как и бурочного, в селениях, лежащих по р. Баксану, т. е. в местах, расположенных ближе к торговым и административным пунктам—Баксану, Нальчику.

Уже 20—30 лет тому назад *Е. Максимов* в своем очерке констатирует замирание и падение этого промысла и постепенное отрешение кабардинца от прадедовских адатов—ходить в черкеске сукна собственного производства. Широкое распространение фабричной мануфактуры всякого рода и всякого вкуса—ситцев, сукон и полотна, доступность цен делало бесцельным производство своих сукон, которые не выдерживали конкуренции с тонкими, широкими, крепкими и чисто отделанными фабричными сукнами,—и если *Е. Максимов* отмечает, что количество сукноделов в Кабарде по меньшей мере втрое меньше, чем бурочников, то накануне войны эта цифра, по моим наблюдениям, еще больше пала, и домашнему сукноделанию грозила участь совершенно исчезнуть из круга ремесл кабардинских женщин.

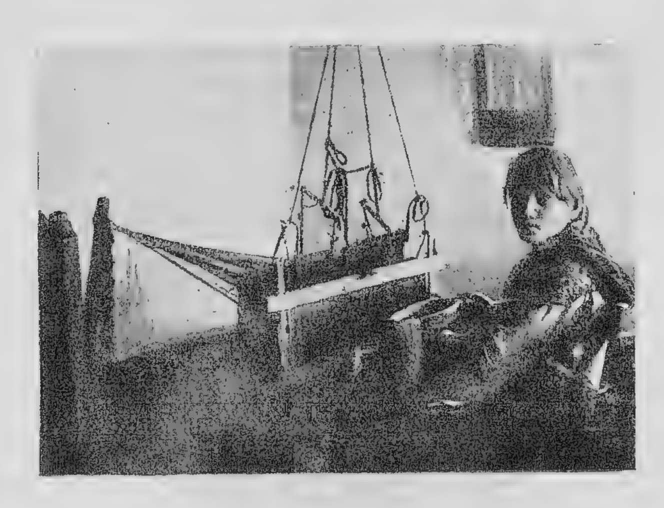
Наступившая революция и мануфактурный кризис оживили падающее производство, и ныне кабардинское сукно вновь, как в прошлые годы, готовится и ткется по всей Кабарде.

Производство его несколько сложнее, чем приготовление бурки. Приготовление шерсти проходит таким же порядком, как и для бурки, затем следует процесс прядения; эта операция обычно производится самым первобытным способом, с помощью веретена; при посещении аулов обычна картина старухи, не расстающейся с веретеном.

Что касается прядильного станка, (см. рис. на 83 стр.) то он гораздо проще, чем русские «красна» и—однако, по качеству кабардинское сукно не ниже русской суконной онучи. С примитивным станком (основа, прикрепленная к гвоздю или крючку противоположной стены) свободно управляется и девочка-подросток, тогда как за русскими «краснами», за тканьем холстов, или дерюги, или сукна обычно работают только взрослые.

Нынешний рост и, я бы сказал, расцвет сукунного производства можно считать явлением временным и с урегулированием жизни и цен на необходимейшие жизненные продукты, в том числе и на мануфактуру, этот промысел, вероятно, опять упадет до того уровня, на котором он находился накануне войны,—слишком непродуктивно изготовление домашнего сукна, и даже самая ретивая и трудолюбивая кабардинка в конце концов найдет, что де-

шевле и лучше купить готовое хорошее сукно, нежели тратить материал и время на изготовление своего плохого.

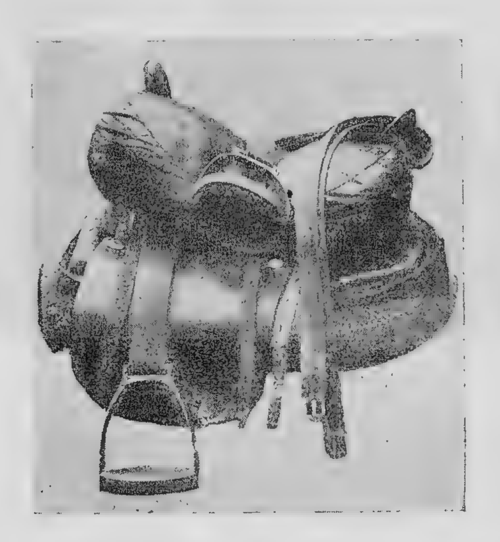

Кабардинский стан.

Такова картина современного состояния сукноделания в Кабарде и таковы его ближайшие перспективы.

Седельное производство. В тесной связи с коневодством и походно-боевой жизнью кабардинца стояло в прошлые годы и седельное искусство. Оно в свою очередь слагалось из трех отдельных специальностей: арчакового—поделка деревянных частей в седле, шорного—кожевенно-ременные изделия при седле, и затем металлического—железная и медная поделка для седла. Особенно высоко стояло искусство изготовления удил и стремян, каковые некоторыми мастерами своего дела изготовлялись прямо из цельного куска железа, чем и вызывали и вызывают не малое удивление у профессионалов этого промысла за рубежом Кабарды. По всем данным седельное производство, так же как и коневодство, ведет свое начало с незапамятных времен, но, как более сложное и ценное, оно никогда не было так распространено, как промыслы бурочный или сукноделательный. И уже в начале 90 годов прошлого столетия, как ремесло и промысел, оно было сосредоточено только в 3-м участке Нальчикского округа, где этим промыслом занимались, по словам *Е. Максимова* , около 100 дворов; помимо

этого, можно было встретить в Кабарде и еще несколько сот дворов, в которых на досуге занимались изготовлением седел, зарабатывая этим в дом десяток-другой рублей. В противоположность бурочному и суконному промыслам, сосредоточенным в руках женщин, седельное и арчаковое производство исстари, как требующее значительной мускульной силы, находилось в руках мужчин.

Кабардинское седло.

XVI. Политический и территориальный расцвет адыге.

Освободившись довольно рано от засилия и эксплоатации далеких северных пришельцев, адыге, однако, не долго пользовались этой внешней свободой. Нахлынувшая из азиатских степей на Восточную Европу страшная волна кочевников-монголов не миновала и их, и черкесы наряду с другими кавказскими народами надолго делаются данниками Золотой Орды.

Эта зависимость кавказских племен выражалась в платеже дани, обычно натурой—скотом и сырьем, а часто и молодыми пленниками—мальчиками и девушками—и подачей живой силы (молодых воинов) по первому требованию хана. Этот последний факт засвидетельствовал и русский летописец, который, рассказывая о Мамаевом походе на Русь, отмечает. что на Куликовом поле в ордынских рядах были и черкесы. Гибель и развал Орды были приветствуемы не только русским народом, но и всеми племенами Кавказа, а в частности и адыге.

После распадения Орды черкесы быстро оправляются и крепнут экономически, особенно восточная. наиболее многочисленная и энергичная ветвь их—кабардинцы; конечно, в первую очередь крепнет свободное привилегированное сословие—владетели крепостных рук. Их стада и табуны коней, охраняемые десятками и сотнями даровых пастухов-рабов, растут и множатся. Этот постоянный рост стад, естественно, требует все новых и новых пастбищ, и адыге медленно. но настойчиво раздвигают пределы своих первоначальных займищ (течение р. Кубани и угол, образуемый этой рекой и Черным морем).

Политические обстоятельства того времени благоприятствовали им; судя по орографии Северного Кавказа, а также и по племенным преданиям, как предгорная, так и горная полоса названной области издавна населялась множеством разобщенных и враждебных друг другу племен: абаза. осетины, чеченцы, ногаи, кумыки и пр. Каждое из этих племен, в свою очередь, делилось на еще более мелкие колена. общества и роды, между которыми кипела непрерывная племенная и родовая вражда. Настойчивое продвижение кабардинцев на во-

сток встретилось с противоположным движением, исходящим из Дагестана, в котором гегемония в это время была, по кабардинским преданиям, в руках аваров. Воспользовавшись неурядицами в самой Кабарде, дагестанцы попытались положить предел их продвижению и с большим количеством людей двинулись на кабардинцев. Последние, не надеясь на собственные силы, позвали на помощь своих западных сородичей—закубанских черкесов. Такие же рабовладельцы и скотоводы, как и их восточные сородичи, западные адыге, в чаянии хорошей добычи (коней, оружия и пленных), охотно приняли предложение кабардинцев и явились со значительными силами. Адыге заманили аваров в глубь своих владений, в междуречье Баксана и Чегема, и здесь нанесли им полное поражение и заставили отказаться от их враждебных планов. Следствием сего было то, что авары более не мешали их действиям, и в половине XVI века кабардинские князья стояли уже прочной ногой у устья Сунжи, граничащей с Кумыкской площадью. *)

Шестнадцатый век и начало XVII были временем высшего военного и материального роста правящего класса адыге. Владения кабардинцев теперь простирались от подножий Эльбруса и почти до устья Терека. Их бесчисленные стада овец и табуны коней под надзором пастухов-рабов и крепостных беспрепятственно бродили по тучным равнинам Предкавказья.

Победитель-чужеземец, после того как у побежденного проходит первое острое чувство недоброжелательства и ненависти, всегда был для последнего предметом тайной зависти и подражания. То же мы замечаем и здесь. Подражание началось с внешности, и черкеска—национальный костюм адыге, делается общим достоянием всех горцев Северного Кавказа. Удивлялись их уменью выращивать и выезжать бесподобных коней и ездить верхом и силились быть похожими и в этом на кабардинца. Но и самый характер кабардинцев, конечно, высшего сословия, их рыцарски вежливое обращение друг с другом и с посторонними, их уменье принять и проводить гостей, весь их уклад жизни и весь их «адыге-хабзе» (адаты, обычаи на все случаи жизни)—все это удивительно действовало на впечатлительных горцев, и они сами доб-

*) Это видно, как по архивам данным (см. акты Белокурова), так и по иностранным отзывам (см. *Олеария*).

ровольно отдавали своих сыновей на воспитание в семьи кабардинских узденей, откуда те возвращались настоящими кабардинцами, так что держать себя и говорить по-кабардински считалось для всякого горца, вплоть до покорения Кавказа, верхом воспитанности и лоска, и сказать горцу, что он держит себя или ездит, как кабардинец, считалось верхом похвалы.

Так поставили себя кабардинцы среди народностей Северного Кавказа.

Будучи хозяевами богатых и обширных пастбищ *), победители теперь (вторая половина XVI в.) думали не о захвате новых земель, а хотя бы о сохранении того, что они имели в своих руках. Оно и понятно. Не легко было справиться с раздробленными и вечно враждебными друг-другу племенами. Но много труднее было бы защитить такую площадь от внешнего, более многолюдного и сплоченного врага, если бы он появился на границах области и стал угрожать их стадам и займищам. Такие враги и появились у них как раз к моменту их высшего территориального и экономического благополучия. Это и были для западных адыге—и в частности для Большой Кабарды—Крымская Орда, а для Малой—кумыки (Шамхал Тарковский).

Такие же рабовладельцы и скотоводы, как и кабрдинцы, они подобно последним нуждались в пастбищах, которых у кабардинцев было не мало. И новые претенденты на богатые земли стали теснить старых хозяев. Кабардинцы забили тревогу. Начались стычки, но в большинстве случаев безуспешные для адыге. Помимо подавляющей численности—враги обладали военной спайкой и дисциплиной, чего как раз в этот момент у кабардинцев не было.

Надо заметить, что упоенные военным успехом и материальным благополучием, правящие классы адыге поставили себя среди других сословий—просто свободных людей и несвободных—в особое, исключительное положение. Они создали целый кодекс правил и обычаев—«адыге-хабзе», который предусматривал и на-

---

*) В их руках была площадь не менее 50.000 кв. верст, т. е. почти площадь прежней Терской области (63.000 кв. в. и $1^1/_2$ мил. населения) и с населением, как можно думать (на основании тогдашних показаний кабардинцев), не более 50—60 тыс. человек, т. е. с плотностью один человек на кв. версту, что было идеалом, о котором только может мечтать кочевник—скотовод, и этот идеал был в руках кабардинцев.

правлял каждый поступок, каждый шаг кабардинца в отношениях друг к другу—и к уорку и к князю в особенности—и требовал неукоснительного исполнения этих обычаев. Помимо разных, очень обременительных поборов в пользу дворянина и князя, «адыгехабзе» требовал от простолюдина строжайшего почтения к «благородному» и особенно к князю, особа которого по кабардинским адатам считалась священной и неприкосновенной.

Такой моральный и материальный гнет вызвал под конец в народной массе сильнейшее озлобление и даже восстание против князей. Многие из них, по народным преданиям, были убиты (князья Тахтамышевы), другие лишены княжеского звания (те-же Тахтамышевы и Аппевы), третьи, как например Мало-Кабардинский князь Темрюк (будущий тесть Грозного), так озлобил против себя народ, что должен был или постоянно сидеть дома в своем ауле, или ездить под усиленной охраной узденей, на которых тоже надежда была плоха. При таком моральном состоянии народа ожидать побед было трудно. Положение делалось затруднительным.

В этом стесненном положении кабардинские князья и стали искать себе покровителя. Выбор их останавливается на далеком Московском государстве.

То был во всех отношениях удобный покровитель. Московское государство было к этому времени достаточно сильно и авторитетно (только что произошел разгром Казани и Астрахани), чтобы пугать противников и прикрываться его именем, и оно было достаточно далеко, чтобы не вмешиваться во внутреннюю жизнь Кабарды. Что в этом поступке кабардинского правящего класса прежде всего являлись расчет и необходимость, это видно из того факта, что одновременно с предложением о подданстве высказывалась и настоятельная просьба оборонить от внешних врагов—у Пятигорских черкес—от Крымского хана, у Мало-Кабардинских (посольство князя Темрюка)—и от внешнего и от внутреннего врага (его же подданные); для каковой цели князь убедительно просил построить город на его земле и населить его московскими ратными людьми, под защитой которых он и мог бы жить со своими людьми. Первое такое деловое посольство кабардинцев в Москву произошло в 1552 г. Названный год и считается началом подданства адыге русскому государству. Таковы были истинные причины, побудив-

шие адыгейскую знать искать покровительства и подданства у далекого северного государства.

В истории Московского государства это была эпоха зарождения торгового купеческого капитала, и правительство того времени, во главе с Иваном Грозным, внимательно прислушивалось к его требованиям. Оно грозило западу и успешно раздвигало границы на восток. Одно за другим пали татарские царства Казань и Астрахань—политические и торговые враги Москвы, и великий торговый водный путь по Оке и Волге в Шемаху, Баку и Персию был теперь в руках русских. По этой причине предложение черкесов о подданстве было выслушано весьма благосклонно и за него живо и крепко ухватились по многим причинам: во-первых, это был союзник против общего врага—крымцев, во-вторых, это был опорный пункт для дальнейшего продвижения на юг и восток—к богатым рынкам.

За дальностью расстояния и за отсутствием средств, Москва, однако, долго не могла оказать своим новым подданным существенной помощи, и только после многократных просьб со стороны адыге она решилась на серьезный шаг, и в 1553 г. у слияния Терека с Сунжей был основан городок «Терка», населен московскими людьми и вооружен «огневым боем», т. е. ружьями и пушками. Однако, стратегическое положение нового городка было не особенно надежно, почему крепость лет через 20 была перенесена к устью Терека, куда путь из Астрахани и берегом и морем был несравненно и ближе и безопаснее, нежели к Терке на Сунже. Раз основанная, новая Терка продолжала существовать на далекой окраине, как опорный пункт Москвы, почти 150 лет, без особой пользы, но и без вреда для Кабарды, главным образом, как таможенная застава, как наблюдательный пограничный пункт за непримиримыми врагами Малой Кабарды—кумыками («лукавым Шевкалом»). В 30 годах XVIII ст. эту крепость перенесли еще раз на новое место и назвали Кизляром. Здесь этот городок и остался до настоящих дней.

Но возвращаюсь к политическому положению Кабарды. От подданства России кабардинцы выигрывали весьма немного. Начавшаяся в России крестьянская революция (смутное время), отчаянная борьба крестьянства и др. непривилегированных классов

за право быть самостоятельным хозяином, обессилило русскую государственную власть, заставило ее отказаться от широких планов продвижения на Восток, и на все настойчивые просьбы черкесов о помощи Московское правительство, в большинстве случаев, или отделывалось бесплодными обещаниями или несущественной и запоздалой помощью. Следствием сего было то, что связи с Москвой стали ослабевать, а влияние турок и Крыма с их богатыми черноморскими рынками—расти и крепнуть. Эти рынки более близкие и доступные для кабардинских скотоводов и рабовладельцев, чем русские, год от году делались необходимее для сбыта их сырья—разного рода шкур, шерсти, рогов и проч, а также для сбыта коней, имевших большой спрос в Крыму, и особенно рабов-невольников и невольниц-черкешенок, которые по *Пейсонелю* были главным предметом торговли с крымскими и турецкими купцами. Погоня за этим живым товаром, по отчетам *Пейсонеля*, и была главной причиной бесконечных княжеских драк и междуусобных войн, от которых изнывал кабардинский народ.

В таком состоянии была Кабарда в течение XVII в. и первой половины XVIII в., когда адыге почти всей массой и в культурном и в экономическом отношении вошли в сферу влияния турок и крымцев. Однако, к этому времени и Российское государство достаточно окрепло. Население, особенно во внутренних губерниях, уже начало испытывать земельный недостаток, и колонизационная волна крестьян-земледельцев медленно, но безостановочно двинулась от центра к окраинам, особенно к южным. Следом за ними двинулись помещики и купцы. Девственный тучный чернозем южных степей и умеренный климат создавали превосходные условия для земледельческой культуры, особенно для культуры пшеницы.

Для этого продукта требовался хороший рынок и солидный покупатель, каковым являлся обитатель западно-европейских государств. Однако, вывоз за границу зерна очень невыгоден через далекие балтийские порты, и Россия ведет с Турцией две войны с целью пробиться к берегам Черного моря и получить свободный выход и через его для своих товаров. После второй турецкой кампании, в царствование Екатерины II, весь Крым с Новороссией, Кабарда и правый берег Кубани остались за Россией.

Это было обширное, удобное для земледелия, но малонасе-

ленное пространство, и русское правительство повело на новых местах, главным образом на Северном Кавказе, еще до окончания войны, энергичную колонизационную политику. Оно поощряет добровольных колонистов-землеробов, а, помимо этого, переселяет и принудительным путем с Волги, с Дона, с Хопра казаков-земледельцев. Последних оно размещает на рубеже с горцами, воинственными и не желающими подчиниться русскому владычеству, так называемой «военной линией», тянувшейся от Каспийского моря до Черного, для охраны и береженья границы и мужиков-новоселов.

Результатом такой политики было урезывание и сокращение обширных Кабардинских займищ, которые постепенно отходили под переселенческие села и казачьи станицы.

Самыми ранними такими станицами-крепостями считаются: Моздок, станицы Екатериноградская на р. Малке, Павловская на р. Куме, Марьинская на р. Золке, Георгиевская на р. Подкумке и другие. Кабардинцы энергично протестовали против постройки крепостей, несколько раз в союзе с Крымом и Турцией подымали оружие против своих прежних покровителей, но оказались бессильны. Тогда адыге решили выжить непрошенных соседей измором и повели против станиц упорную партизанскую войну. Небольшими скрытыми партиями черкесы внезапно нападали на малочисленные казачьи раз‘езды, казачьи стада и пастухов, иногда на хутора и даже станицы, жгли постройки, убивали, забирали скот, женщин и детей. Казаки и регулярные войска отвечали тем же, и потянулся длинный ряд кровавых беспокойных лет.

Так тянулось дело вплоть до приезда на Кавказ генерала Ермолова. Этот генерал повел дело чисто по-военному: он потребовал от кабардинцев прекращения набегов на военную линию. Адыге, конечно, не могли этого выполнить, так как набеги превратились в бытовое явление, и правящие круги были бессильны сами с ними бороться, если бы даже хотели. Тогда Ермолов в 1822 г. распоряжается ввести русские войска в глубь самой Кабарды для надзора за населением адыгейской области и предпринимает постройку целого ряда крепостей в самой Кабарде. Назначение этих крепостей—Нальчик, Чегем, Баксан, Черек, Каменномостная—быть сторожевыми и наблюдательными пунктами

за течением общей жизни кабардинцев. Под крепости снова были отведены земельные участки, но на этот раз небольшие. Расположенные по всей области войска имели ежечасное наблюдение за поведением кабардинцев. Последние должны были примириться с сокращением своих пастбищ и с поднадзорным положением.

К началу 40 годов Кабарда размежевывается с соседними горцами—с осетинами на востоке и балкарцами на юге. Теснимые с севера русскими, кабардинские князья не могли уже с прежним авторитетом и силой поддерживать свою власть над своими данниками-ингушами—по Джараховской долине, тугаурцами, куртатинцами и дигорцами и, побуждаемые к тому же настойчивыми требованиями Ермолова, покидают горные ущелья, каковые ценны для них, как недоступные убежища от русских приказов, и переселяются на плоскость, и Большая Кабарда в общих чертах принимает тот вид, который она сохранила до великой революции. Так протекали события в Большой Кабарде.

Малая Кабарда, значительно раньше вошедшая в круг государственных интересов, как более слабая, терпимее относилась ко всем земельным сокращениям и новшествам и рано примирилась с тем, что на ее землях селились спускавшиеся с гор осетины, ингуши, чеченцы и кумыки, которые до прихода русских сидели далеко и высоко в глуши недоступных гор. В виду создавшейся довольно запутанной земельной чересполосицы, русское правительство при генеральном размежевании земель отдельных народностей применило довольно радикальную меру к жителям Малой Кабарды. Оно всех не кабардинцев выселило к границам их единоплеменников, а мало-кабардинцев из 23 сосредоточило в 9 больших аулах, которые и существуют на указанных местах до нынешнего времени. Так образовались границы Большой и Малой Кабарды. Что же касается официального соглашения по размежеванию с горцами, то таковое состоялось только в мае 1881 года.

XVII. Раскрепощение.

С незапамятных времен общественный уклад кабардинского народа был строго-аристократичный. Кабардинцы делились на множество сословий (по мнению знатоков адатов, не меньше одиннадцати), но все эти сословия без труда можно было разделить на 2 главных группы—класс благородных или свободнорожденных и класс зависимых или несвободных. Во главе благородных фамилий и всей массы адыге стояло княжеское сословие. Ниже их по рождению и на общественной лестнице стояли уорки (потомственные дворяне-помещики). Владельцы табунов, многочисленных стад и крепостных, они жили своими аулами и, считаясь за тем или другим князем почти номинально, в своих владениях и над своими людьми, как настоящие феодалы, были самостоятельны и независимы. Ниже уорков считались «беслан-уорки» или уздени, что значит княжеские дворяне. Это личные дворяне князя—его свита, его дружина.

Класс несвободных также делился на несколько разрядов. Первый разряд несвободных—самый многочисленный (к моменту освобождения их насчитывалось около 15 тыс.)—это «оги». Их повинности в пользу владельцев были таковы: начиная с 16 лет, каждый «ог» в летние дни работал на помещика 6 дней в неделю—косил и возил его сено, хлеб и проч. Пчеловоды и люди других профессий отбывали свои повинности на помещика от своих продуктов и промыслов в соответствующем размере; в другие времена года «ог» также не избавлялся от работ на помещика—он возил дрова, поправлял саклю и проч.; жили «оги» своими хозяйствами отдельно от господина и ничем от него не пользовались.

Вторая группа несвободных—«логонауты». По своему правовому положению они мало чем отличались от «огов». Мужчины зимой и летом исполняли для помещика разные домашние и полевые работы, женщины помогали и трудились в сакле и во дворе господина. За свои работы они получали от владельца платье и пищу. И «оги» и «логонауты» могли выкупаться на волю, и при продаже их семейства не раздроблялись; при средствах они сами могли иметь рабов и крепостных.

Третий вид крепостных—«унауты», были совсем бесправны. Они всегда жили при доме владельца (как наши дворовые) и заняты были только работой помещика. «Унаутка» не могла вступить в брак без разрешения господина, и если девушка выходила замуж, то только временно. При желании помещик мог не выдавать ее замуж, и пользовался ею сам, как наложницей. Дети «унауток» становились «унаутами» же, но взрослый юноша «унаут» мог потребовать от господина в жены «логонаутку», и помещик, по адату, не мог отказать ему, и после брака «унаут» сам переходил в разряд «логонаутов». «Унауты» собственности не имели, и все необходимое для жизни—пищу, одежду и обувь, как помещичьи дворовые, получали от владельца. Особенно безвыходно было положение этого последнего разряда крепостных. Господин мог продать его, подарить, оторвать от семьи и даже убить и никому не давал отчета.

Желая привлечь довольно многочисленный класс несвободных сословий на сторону русских, Ермолов прокламацией от 1822 г. ограничил права кабардинских рабовладельцев. Однако и после названного приказа положение зависимых сословий в Кабарде оставалось по-прежнему очень тягостным. Освобождение крепостных в России поставило на очередь этот же вопрос и на Кавказе. Но русское правительство целых 6 лет откладывало решение этого больного, но необходимого вопроса. Наконец, в 1866 г. под давлением крестьянских волнений об этом было об'явлено во всеуслышание и на Кавказе.

Кабардинцы заволновались. Все хозяйство князей, и особенно уорков, держалось руками крепостных, и в освобождении последних привилегированные сословия видели свое полное разорение. Некоторые из них даже хотели переселиться в Турцию и просили на это разрешения, но бывший начальник Терской области, М. Т. Лорис-Меликов, успокоил рабовладельцев, очевидно, заверениями, что они не будут обижены, и они доверчиво стали ожидать проведения реформы, что и засвидетельствовали своей докладной запиской от 8 августа 1866 года тому же Лорис-Меликову.

Условия освобождения крепостных на Кавказе были выработаны местной кавказской администрацией, при тесном участии самих помещиков и утверждены царем Александром II-м 20 апре-

ля 1867 г. По этому манифесту в Кабарде освобождалось 21.438 душ обоего пола крепостных всех видов.

Основы «освобождения» в общих чертах таковы: 1) каждый выходящий на волю, начиная от 15 до 45 лет, платил за себя около 200 рублей, 2) крепостные мужского пола до 15 лет и свыше 45 освобождались совсем без выкупа, 3) уплата суммы по соглашению—или в один раз, или с рассрочкой (не более 6 лет), или, если крепостной не имел наличности, он мог отплатить работой, считая рабочий год крепостного по условию от 25 до 70 рублей, 4) выкупная плата за малолетних девушек до 15 лет определялась их возрастом по 10 рублей за каждый год, но оплата за них вносится не тотчас по освобождении, а при выходе их замуж, 5) помещик во все время нахождения при нем временно-обязанных в его доме, должен кормить их и одевать и предоставлять им один свободный день в неделю и 15 дней во время летних работ, 6) временно-обязанный может уйти в любое время, если уплачивает недослуженную часть выкупа, 7) недвижимое имущество крепостного делится пополам между ним и владельцем; сакля и все домашнее хозяйство—орудия, утварь и проч. составляют неот‘емлемую собственность освобожденного.

На таких кабальных условиях совершилось «освобождение» крепостных в Кабарде. Оно прошло довольно безболезненно для помещиков, но кабардинский народ, вернее, его крестьянская масса, как мы уже видели, понесла громадные жертвы и расходы трудом, деньгами и имуществом, а между тем впереди предстояли еще и новые дополнительные расходы за это освобождение.

XVIII. Образование и судьбы частного землевладения.

Вследствие сокращения границ Кабарды и освобождения зависимых сословий, сам собой возникал вопрос, как надлежит жителям Кабарды пользоваться в дальнейшем своими землями. Еще до проведения в жизнь реформы на Кавказе, депутаты, собранные от всех свободных сословий Кабарды в Нальчике 20 августа 1863 г., об'явили следующее: «Жители Большой Кабарды по общему между собой соглашению постановили, что всею землею, составляющей эту страну, как общим всем кабардинцам достоянием, они желают пользоваться на общинном праве владения и в тех взаимных отношениях, при которых жили они издревле по народным своим обычаям». Таким образом, по этому акту депутатов всех свободных сословий, земля кабардинская была об'явлена общим достоянием всего населения Кабарды—отчуждение, присвоение в качестве фамильной или родовой собственности не допускалось. Этот красивый жест свободных сословий был вызван отнюдь не великодушием, а боязнью новой урезки земли от Кабарды в виду предполагавшейся генеральной размежевки. Кроме того, этим актом кабардинские князья предполагали гарантировать себя от голодного пролетариата, точно так же как и в России освобождение крестьян с наделом преследовало ту же цель.

Но этот акт на деле оказался платонической теорией, что и обнаружилось в самом непродолжительном времени. На Кавказе в то время правителем был великий князь Михаил Николаевич, который определенно держался мнения, что поднять земледелие и вообще всю культуру на Северном Кавказе возможно только через частное землевладение. Им было предложено разработать вопрос о передаче земель дворянству в частное владение. Комиссия, составленная по этому поводу в Терской области, и сам тогдашний начальник Терской области Лорис-Меликов определенно были против этого проекта, не предвидя от него никакой пользы для самих владельцев, которые, по мнению составителя записки, крайне инертны, ленивы и невосприимчивы к наукам и европейской культуре и не оправдают возложенных на них надежд. Великий князь на-

стоял, однако, на своем *), и проект был утвержден в центре. Однако, исполнение его по разным причинам затянулось.

Общее возбуждение и волнение среди дворян, вызванное предполагаемой реформой, заставили Лорис-Меликова отыграться на проекте, расширив и углубив его содержание, благодаря чему факт надела дворян землей сделался как бы скрытой компенсацией уоркам-помещикам за их потери при освобождении крестьян. Вероятно, этот проект был сообщен Лорис-Меликовым дворянству, т. к. возбуждение, охватившее его после первых слухов об освобождении крепостных, совершенно улеглось, и самое освобождение прошло в общем гладко.

При размежевании надельной—юртовой и будущей частновладельческой земли, контингент лиц, могущих получить землю в собственность, все более и более расширялся. Первоначально предполагалось наделять наиболее заслуженных и преданных России лиц, потом к этому прибавили людей не служилых, но уважаемых и популярных в Кабарде, затем—потомков заслуженных и преданных России лиц, затем этот список все более и более расширялся и дополнялся, пока, наконец, в него не вошли почти все уздени Большой и Малой Кабарды—и почетные и непочетные.

Всего было выделено в Большой Кабарде на 200 лиц княжеских и узденских фамилий из общего фонда Больше-Кабардинских земель, равного 324.000 десятин **), 75.000 д. или 23%. Самыми высшими наделами для Большой Кабарды были 1.500 десятин, самыми мелкими—250 десятин. В Малой Кабарде земли было меньше, и посему наделы оказались мельче. Из 83.000 десятин земли 57 лицам привилегированных сословий было выделено 16.000 десятин или 19%. Самые крупные участки здесь оказались два по 700 д., два по 600 дес., затем 300 д., 250 д. и самые дробные по 200 десятин. Лицам, получившим наделы в потомственную собственность, было предоставлено право наравне с другими жителями, как в Большой, так и в Малой Кабарде, пользоваться и общественными пастбищами тех аулов, к которым они были приписаны.

*) Председателем указанной выше комиссии был некто Кодзоков, кабардинец из крестьянского сословия, с университетским образованием, демократ по убеждениям; он то и был главным автором такой нелестной характеристики кабардинского дворянства.

**) По документальным данным, находящимся в архиве Терской областной чертежной.

Землевладельцы, поставленные в новые условия, оказались из рук вон плохими хозяевами. Лишенные даровой рабочей силы—своих крепостных—без знаний и опыта, без капитала, наконец, без хозяйственного закала—они просто не знали, что делать с этими землями, как их использовать; их табуны коней без крепостных батраков и надсмотрщиков все таяли и таяли, капиталов для развития хозяйства не было. Уорки в конце концов предпочли, вместо ведения самостоятельного хозяйства, сдавать свои земли в аренду тавричанам-овцеводам, которые как раз в это время появились со своей шлепкой (мериносами) на Кавказе и, видя бесплодно лежащие земли, предложили новоявленным помещикам сдавать их в аренду. Охотников явилось больше, чем надо, и сами же землевладельцы-уорки сбили арендную плату на свои земли до невозможности.

Но от этих доходов положение дел поправилось мало: свое скотоводческое хозяйство падало, земледелие без капитала и опыта не налаживалось, и участки начали продаваться и уходить из рук... Уже 30 лет тому назад *Е. Максимов* в своем очерке «Кабардинцы» с грустью отмечает: «Благодаря потери крепостных, число табунов уменьшилось настолько, что в настоящее время в 1892 г. даже площадь частновладельческих земель далеко не занята, и кабардинцы-помещики, предпочитая даровые хлеба трудовым, стремятся сбыть свои земли совсем или в аренду. Никаких улучшений в хозяйстве кабардинских помещиков нет и, судя по настоящему, ему едва ли предстоит хорошее будущее».

К началу революции немногие из уорков-землевладельцев сумели удержать это дедовское наследие в своих руках, и на мой вопрос одному уорку в Малой Кабарде—сохранилась ли у него земля, полученная его дедом—уздень ответил: «А вы спросите—видал ли я эту землю в глаза... Ее еще дедушка и батюшка успели прожить, а моя земля вон, на кладбище—три аршина—этой никто не отнимет».

Такова судьба этих земель и этих землевладельцев.

XIX. Землепользование. Экстенсивность и архаичность его.

После выхода на «волю» всей массы бывших крепостных Кабарды и после выделения частно-владельческих земель, правительство занялось землеустройством надельных земель. В основу будущего аульного землепользования был положен принцип общинного владения землей, на подобие того, что к этому времени прочно сложилось в центре земледельческо-крестьянской России. Вся оставшаяся от выдела уоркам-помещикам площадь земли была разбита по степени добротности на 5 категорий. Первая—самая лучшая, пятая—самая худшая. Лучшей земли предполагалось 30 десятин па двор, а самой худшей (5 категории) 70 десятин. Всю эту площадь разделили между 35-ю аулами Большой Кабарды и 9 аулами Малой, сообразно числу дворов и качеству земли. Так появилось в Кабарде частное и общинное землевладение. Этот раздел был утвержден законом от 2 апреля 1875 года.

Кроме земель, отведенных в частную собственность и в наделы аулам, как мы уже знаем из первых страниц, у кабардинцев был еще один вид земель—так называемые «запасные» кабардинские земли. Вместе с лесными дачами к концу 80-х годов их насчитывалось около 315.000 десятин. Эти земли слагались из следующих частей: Мало-Эшкакоповский казенный участок между р.р. Подкумком и Эшкаконом, пастбища на Золке и Эльбрусские горные пастбища, лежащие между р.р. Кич-Малкой и Большим Коздурганом и тянущиеся от Кисловодской межи до подошвы г. Эльбруса.

Кабардинцы знали цену этим пастбищам и весьма дорожили ими. Земли эти считались, с утверждением в крае русских, во временном пользовании у кабардинцев, и последние всегда опасались, что правительство, по каким-либо соображениям, может отобрать от них пастбища. Воспользовавшись пребыванием царя Александра III-го во Владикавказе осенью 1888 г., кабардинцы подали ему прошение, прося утвердить за ними эти земли в постоянное владение на условиях, выработанных самим правительством. Правительство удовлетворило просьбу кабардинцев и приказом от 21-го мая 1889 г. об'явило запасные земли в числе 315.383 десятин в постоянном и неот'емлемом пользовании всего кабардинского на-

рода и сопредельных с ним 5-ти горских обществ Балкарии.

Пользование этими землями, по предложению сената от 27 сентября 1891 г., предоставлено было на общинных началах, сообразно нуждам каждого аула, то-есть пропорционально количеству населения и количеству скота. На этом принципе пользование запасными землями существовало вплоть до 1905 г., когда для пользования запасными землями были изданы новые правила, а в 1912 г. эти правила были пересмотрены еще раз и значительно изменены. На этот раз часть пастбищ была разбита на хуторские участки, которые и стали сдаваться в аренду на 12 лет крепким кабардинским и горским хозяйствам, главным образом в интересах коневодства.

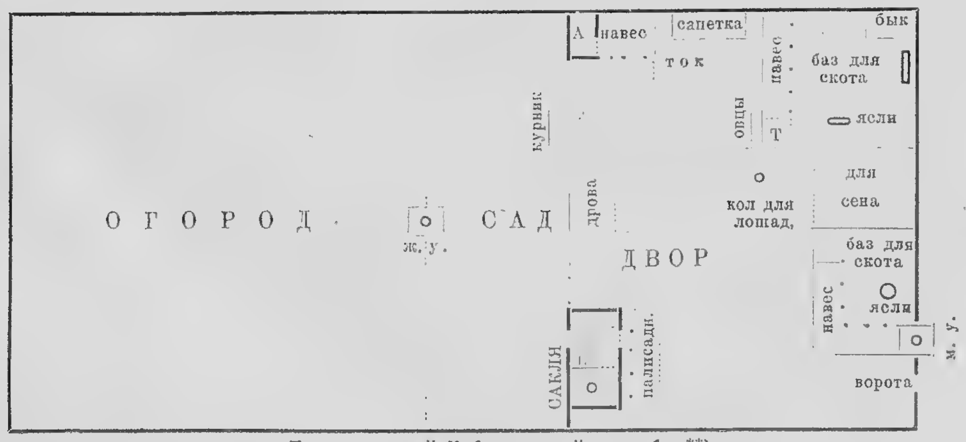
Порядок распределения надельной, или, как ее обычно называют, «юртовой» земли, внутри самих кабардинских аулов много напоминает пользование общественными землями в русских селениях. В соответствии с системою хозяйства, аульная земля, не считая усадебной земли, делится на 3 больших участка: один идет под пахоть (вап‘аха), другой—под покос (мукуп‘аха), третий—под выгон (хуп‘аха). Передел пахотных земель производится по платежным единицам, как у осетин и русских. На это серьезное дело (передел) общество избирает от 6 до 12 человек доверенных-присяжных. Эти выборные веревкой, вместо рулетки, и саженью (косая сажень) разбивают пахотный клин на нужное число крупных участков, которые называются «ши‘аха». Все «ши‘аха» одинаковой величины, если земля в качественном отношении однообразна; в противном случае к «ши‘аха» с плохой землей делается надбавка, так чтобы по доходности все участки были приблизительно одинаковы. Сделав размежевание на «ши‘аха», выборные извещают сельчан, которые и группируются в столько отдельных групп, сколько имеется «ши‘аха». Бросают жребий, и какой группе участок достается, тем она и владеет до нового передела. Отмежеванный участок «ши‘аха» делится на такое количество паев, сколько полноправных домохозяев в этой группе; названные участки опять таки по жребию делятся между хозяевами, после чего семейные или индивидуальные паи отделяются друг от друга межей, и домохозяева вступают каждый в пользование своим участком. Размер пахотного пая не одинаков: он колеблется в зависимости от раз-

меров и качества аульной земли; во всяком случае, уже 30 лет тому назад, по словам *Е. Максимова,* он колебался от $\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ хозяйственных десятин на платежную душу *), теперь, конечно, размер пая значительно сократился.

Такой же порядок раздела и сенокосных угодий, с той разницей, что раньше сенокосные участки—«мукуп‘аха»—были обширнее; теперь они с ростом населения значительно сократились. Часто сенокосные места, неудобные под косовицу—овражки, кочки, кустарники и пр.—служат и сельским выгоном, на котором сообща и пасется стадо. В тех случаях, когда под выгон отводится особый клин, тогда он делится на отдельные участки—«хуп‘аха», которые и распределяются между частями аула пропорционально потребностям каждой группы.

По снятии урожая с пахотных и сенокосных участков, они также поступают под выпас скота. В прежнее время по снятии урожая эти участки делались общим достоянием всего населения, теперь же крестьяне, имеющие мало скота, добились, чтобы скот каждого домохозяина пасся только на своих «шп‘аха», и когда это вошло в обычай—бедняки, не имеющие скота, стали свои участки сдавать в аренду своим односельчанам, а деньги делить между собою.

Третий вид владения землей—это усадебные участки. Усадьбы, как и сельские наделы, разной величины, начиная от $\frac{1}{4}$ де-

План типичной Кабардинской усадьбы **).

*) Хозяйственная десятина—3200 кв. саженей.
**) А—амбар, Т—телята.

сятины, как в Кармове и Бабукове и до 2—3 десятин, как это можно наблюдать в сел. Мисостове, Хату-Анзорове, Коголкине и некотор. других, но средняя величина таких усадеб не менее ½ десятины.

В общем усадебные участки, сравнительно с русскими, осетинскими и др., очень просторны. Кроме огромного двора, здесь можно увидеть 2, иногда 3 база с навесами, огород, сад. Все это пространство, конечно, захватывалось с целью наибольшего простора для всех видов скота, который сгонялся домой на зиму и размещался по отдельным базам. Теперь эти дворы, за отсутствием скота, заросли разными сорными травами и, нередко совершенно пустые, поражают своей обширностью, а подчас унылой тишиной и запустением. Использовать для других целей, в виду переходного времени, их еще не успели и они, конечно, ждут своего назначения.

Таково в общих чертах землевладение и землепользование в Кабарде, как его можно наблюдать за последнее полустолетие.

Заключение.

Вот картина прошлого Кабарды и описание исконных и наиболее важных промыслов, на которых держалось все натуральное хозяйство кабардинца прежней эпохи. Они не были особенно многочисленны, но они почти целиком удовлетворяли несложные потребности полукочевника, полуземледельца—адыге. Так что мы будем недалеки от истины если скажем, что старая до-ермоловская Кабарда почти самодовлела в себе, т. е., являя тип натурального хозяйства, она могла жить целые годы совершенно изолированная, ни с кем не общаясь, и только потребность в соли заставляла кабардинцев итти на уступки кочевникам-ногайцам и калмыкам, а позднее русским, которые стояли на путях к озеру Маныч, старинному соляному резервуару, снабжавшему солью значительную часть аборигенов Северного Кавказа.

Итак, из прошлого мы уже знаем, как в сущности ничтожны были запашки у адыге; соответственно с этим также скромны были и сборы зерна, так что главным питанием кабардинцев было мясо, почему скотоводству и его культуре у адыге уделялось столько внимания в дореформенной Кабарде. Оно и понятно. Это была провизия всегда свежая, всегда вкусная, да к тому же и сама себя носила, а это в те далекие тревожные времена имело не маловажное значение.

Но вот в XVIII в., во второй его половине, русские твердо становятся в виду Кавказа. Это уже не первые робкие шаги XVI в., а уверенная в своей силе и совершенно определенная политика, вызываемая растущей мощью торгового капитала и вовлечением страны в товарооборот. Первое поселение и укрепление—Моздок—уже отняло у кабардинцев значительную площадь земли. Не смотря на самые настойчивые протесты, русское правительство не уступило, а, наоборот, спустя несколько лет, появляется на кабардинских землях и на землях других горцев. Крепости превращаются в поселения и станицы; с этих пор в течение более чем полвека шаг за шагом сокращается земельный простор кабардинцев, так же как и других живущих на плоскости туземцев, под напором ширящейся колонизации.

В шестидесятых годах в жизни кабардинца совершается два

крупных события—окончательное урегулирование и обмежевка территории, занятой кабардинским народом, и освобождение крепостных. Это последнее событие, как я уже говорил выше, наносит непоправимый удар национальному промыслу Кабарды, скотоводству, и он систематически и неуклонно начинает падать; за то земледелие, площадь запашек и засева, растет все более и более. Силой обстоятельств и собственным опытом кабардинец убедился в большой выгодности земледелия и, не смотря на свою нелюбовь к упорному и систематическому труду, крепко ухватился за него.

О других второстепенных промыслах, как то: бурочное производство, суконное, седельное и др., много говорить не приходится—они были порождением культуры номадов-скотоводов и вместе с нею тихо и незаметно отходят в область преданий.

Вместе с упадком первобытного натурального хозяйства, каковым в значительной степени оно являлось до самого последнего времени в Кабарде, падает и отходит в вечность патриархальный, в высокой степени оригинальный жизненный уклад этических и экономических взаимоотношений различных классов в Кабарде, тот уклад (известный на весь Северный Кавказ «адыге-хабзе»), который определял и направлял каждый шаг и каждый поступок адыге и был предметом изучения и подражания далеко за пределами маленькой Кабарды.

Таков ход развития и такова эволюция сельского хозяйства в Кабарде, особенно за последнее пятидесятилетие.

Силой железной необходимости, чтобы облегчить борьбу за существование, народ кабардинский, хотя и медленно, но идет вперед всей массой к культуре. В то же время, воспитанный под вековым гнетом феодальных порядков и церкви, боится, не смеет порвать с прошлым.

Нынешняя великая революция—это могильная плита для всякой рутины, для всего бесплодного и нерационального. Освобожденый кабардинский народ скоро забудет свое старинное натуральное хозяйство. В общем хозяйственном под‘еме скоро он найдет свое место и поставит свое хозяйство, в соответствии с местными особенностями, на новых разумных началах.

ИСТОЧНИКИ И ПОСОБИЯ.

1. *Шора-Бекмурзин-Ногмов.* «История адыгейского народа».
2. *П. С. Паллас.* «Краткое физическое и топографическое описание Таврической области».
3. *Олеарий Адам.* «Путешествие Голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 г.г.»
4. *Семен Броневский.* «Народы Северного Кавказа».
5. *Попко Ив.* «Черноморские казаки».
6. *Попко Ив.* «Терские казаки».
7. *Щербина.* «История Кубанского войска» т. I-й.
8. *Потто.* «Два века Терского казачества».
9. *Максимов Е.* «Кабардинцы», «Терский сборник» на 1892 г.
10. *Кудашев В. Н.* «Исторические сведения о Кабардинском народе».
11. *Тульчинский.* «Пять горских обществ Кабарды».
12. *Белокуров Серг.* «Сношения России с Кавказом». Из материалов Моск. Главн. Арх. М-ва Ин. Дел.
13. *Ган.* «Известия древних о Кавказе».
14. Сборник материалов для изучения местностей и племен Кавказа в.в. XII и XVI.
15. *Маркграф.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа.
16. *Услар.* Древнейшие сказания о Кавказе.
17. Энциклопедический словарь Брокгауза и Евфрона т. 76 «Черкесы».
18. Переходное состояние горцев Северного Кавказа, В. Н. Д.
19. *Вейденбаум В.* Путеводитель по Кавказу.
20. *Аликов.* Очерк положения животноводства в Терской области по данным 1912 г., Владикавказ 1914 г.

21. *Ищханяи.* «Народности Кавказа». Статистическо-экономическое исследование.

22. Терский календарь, начиная с 1889 по 1914 г.г.

23. Издания Всероссийского Статистического Комитета, начиная с 1893 по 1914 г.г.

24. Архив Терской областной чертежной.

25. Выписка из журнала Кавказского Комитета (год 1869).

26. Архив Терского Казачьего войска.

Материал для предлагаемой работы (помимо использования литературных источников) собран мною во время моих шестикратных поездок по Кабарде, в течение 1921, 1922 и 1923 г. г., когда я об'ехал значительную часть Большой и Малой Кабарды и, подолгу оставаясь в отдельных аулах, на местах вел длительные беседы со стариками и лягупежами, записывал и фотографировал.

585.00